

Николай Робертович Эрдман

Мандат

OCR sardonios

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158618

Николай Эрдман. Самоубийца: Авторский сборник: У-Фактория;

Екатеринбург; 2000

ISBN 5-94176-015-9

Аннотация

20 апреля 1925 г. Мейерхольд поставил в своем театре ГосТИМ пьесу Эрдмана «Мандат». Премьера была триумфальной, пьесу 19-летнего автора в постановке великого режиссера называли важнейшим событием в художественной жизни Москвы. В интервью газете «Вечерняя Москва» Мейерхольд так охарактеризовал пьесу Эрдмана: «Современная бытовая комедия, написанная в подлинных традициях Гоголя и Сухово-Кобылина. Наибольшую художественную ценность комедии составляет ее текст. Характеристика действующих лиц крепко спаяна со стилем языка».

Неодолимые обстоятельства советской действительности, в которой человек без «бумаги» не мог существовать, приводили к тому, что герой «Мандата» Гулячкин был вынужден выписать мандат самому себе. Кухарка Настя – Анастасия Николаевна – примеряла явившееся героям пьесы платье императрицы, после чего все были готовы признать в ней великую княжну Анастасию.

Для этих и других примет времени Эрдману удалось найти емкие словесные формулы: «Вы в Бога верите? Дома верю, на службе нет»; «А если я с самим Луначарским на брудершафт пил, что тогда?» и т.п.

В «Мандате» Эрдман выработал один из своих главных драматургических приемов, открытый Мольером и разработанный Гоголем и Салтыковым-Щедриным: возвращение слову его первоначального значения. Тонко чувствуя природу театра, ввел в пьесу буффонадные эпизоды, использовал сленг и жаргон. В течение года спектакль по пьесе «Мандат» прошел в Гостиме 100 раз, а сама пьеса впоследствии стала подлинной классикой отечественной драматургии.

Содержание

Действие первое	9
Явление первое	9
Явление второе	17
Явление третье	18
Явление четвертое	21
Явление пятое	26
Явление шестое	29
Явление седьмое	31
Явление восьмое	37
Явление девятое	38
Действие второе	39
Явление первое	39
Явление второе	40
Явление третье	44
Явление четвертое	45
Явление пятое	46
Явление шестое	47
Явление седьмое	48
Явление восьмое	50
Явление девятое	55
Явление десятое	56
Явление одиннадцатое	60
Явление двенадцатое	65

Явление тринадцатое	67
Явление четырнадцатое	68
Явление пятнадцатое	72
Явление шестнадцатое	75
Явление семнадцатое	78
Явление восемнадцатое	79
Явление девятнадцатое	80
Явление двадцатое	81
Явление двадцать первое	84
Явление двадцать второе	85
Явление двадцать третье	86
Явление двадцать четвертое	87
Явление двадцать пятое	88
Явление двадцать шестое	89
Явление двадцать седьмое	90
Явление двадцать восьмое	91
Явление двадцать девятое	92
Явление тридцатое	93
Явление тридцать первое	95
Явление тридцать второе	96
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	98
Явление первое	99
Явление второе	102
Явление третье	105
Явление четвертое	106
Явление пятое	110

Явление шестое	112
Явление седьмое	114
Явление восьмое	115
Явление девятое	117
Явление десятое	118
Явление одиннадцатое	119
Явление двенадцатое	123
Явление тринадцатое	124
Явление четырнадцатое	125
Явление пятнадцатое	126
Явление шестнадцатое	127
Явление семнадцатое	129
Явление восемнадцатое	139

Н.Р.Эрдман

Мандат

Пьеса в трех действиях

Действующие лица

Гулячкин Павел Сергеевич.

Надежда Петровна – его мать.

Варвара Сергеевна – его сестра.

Широнкин Иван Иванович – их жилец.

Настя – кухарка Гулячкиных.

Вишневецкая Тамара Леопольдовна.

Сметанич Олимп Валерианович.

Валериан \

Анатолий / его сыновья.

Автоном Сигизмундович.

Агафангел – слуга из солдат.

Степан Степанович.

Фелицата Гордеевна – его жена.

Ильинкин.

Жена Ильинкина.

Зархин Зотик Францевич.

Ариадна Павлиновна – его жена.

Тося \

Сюся / их дочери.

Крантик Наркис Смарагдович.

Шарманщик.

Человек с барабаном.

Женщина с попугаем и бубном.

Извозчик.

Действие первое

Явление первое

Комната в квартире Гулячкиных. Павел Сергеевич Гулячкин на домашней складной лестнице вешает картины. Мать его, Надежда Петровна. Рядом с ним на полу картины в рамах.

Павел Сергеевич. Теперь, мамаша, подавайте мне «Вечер в Копенгагене».

Надежда Петровна. Нет, Павлуша, мы лучше сюда «Верую, Господи, верую» повесим.

Павел Сергеевич. Нет, мамаша. «Вечер в Копенгагене» будет намного художественней.

Надежда Петровна. Ну, как знаешь, Павлуша, а только я посередке обязательно «Верую, Господи, верую» хотела повесить. На ней, Павлуша, и рамка лучше, и по содержанию она глубже, чем «Вечер в Копенгагене».

Павел Сергеевич. Что касается содержания, мамаша, то если посмотреть на него с другой стороны...

Надежда Петровна(*смотря на обратную сторону картины*). Тьфу, пропасть, это кто ж такой будет?

Павел Сергеевич. Плюетесь вы, мамаша, совершенно

напрасно, теперь не старое время.

Надежда Петровна. Да кого же ты сюда прицепил, Павлуша?

Павел Сергеевич. Прочтите, мамаша, там подписано.

Надежда Петровна. Ну вот, я так сразу и подумала, что нерусский. *(Перевертывает картину, с другой стороны – Карл Маркс.)* И что тебе вздумалось, Павлуша? Висели эти картины восемнадцать лет с лишком – и глазу было приятно, и гости никогда не обижались.

Павел Сергеевич. Вы, мамаша, рассуждаете совершенно как несознательный элемент. Вот вы мне скажите, мамаша: что, по-вашему, есть картина?

Надежда Петровна. Откуда мне знать, Павлуша, я газет не читаю.

Павел Сергеевич. Нет, вы мне все-таки скажите, мамаша: что, по-вашему, есть картина?

Надежда Петровна. Столовался у нас в старое время, Павлуша, какой-то почтовый чиновник, так он всегда говорил: «Поймите, говорит, Надежда Петровна, что есть картина не что иное, как крик души для наслаждения органа зрения».

Павел Сергеевич. Может быть, все это так раньше и было, а только теперь картина не что иное, как орудие пропаганды.

Надежда Петровна. Орудие? Это как же так?

Павел Сергеевич. Да очень просто. Приходит к нам, на-

пример, представитель власти, а у нас на стене «Верую, Господи, верую» повешено. Ясная картина, сейчас анкету: «А скажите, скажет, гражданка Гулячкина, чем у вас прадедушка занимался?»

Надежда Петровна. А он даже ничем не занимался, а просто-напросто заведение держал.

Павел Сергеевич. Какое такое заведение?

Надежда Петровна. Прачешное.

Павел Сергеевич. Что?

Надежда Петровна. Прачешную, говорю.

Павел Сергеевич. Прачешную? А если я вас за такие, за буржуазные, за предрассудки под суд отдам?

Надежда Петровна. Ой, батюшки!

Павел Сергеевич. Вот то-то, матушка, батюшки.

Надежда Петровна. Как же теперь честному человеку на свете жить?

Павел Сергеевич. Лавировать, маменька, надобно, лавировать. Вы на меня не смотрите, что я гимназии не кончил, я всю эту революцию насквозь вижу.

Надежда Петровна. Темное оно дело, Павлуша, разве ее увидишь.

Павел Сергеевич. А вы в дырочку, мамаша, смотрите, в дырочку.

Надежда Петровна. В дырочку? В какую же дырочку, Павлуша?

Павел Сергеевич. Как вам известно, мамаша, есть у нас

в прихожей матовое окно. Так вот я на нем дырочку проскоблил.

Надежда Петровна. Это для чего же такое?

Павел Сергеевич. А вот для чего. Ну, скажем, к примеру, звонок. Сейчас в дырочку поглядишь – и видишь, кто и по какому делу звонится. Ну, скажем, к примеру, домовый председатель, а то еще похуже – из отделения милиции комиссар.

Надежда Петровна. Ой, господи, не дай-то бог.

Павел Сергеевич. И ничего, мамаша, подобного. А как только вы такого посетителя в дырочку увидите, сейчас же вы, маменька, картину перевертываете – и милости просим гостя в столовую.

Надежда Петровна. Ну?

Павел Сергеевич. Ну, комиссар постоит, постоит да уйдет.

Надежда Петровна. Это почему же такое, Павлуша?

Павел Сергеевич. А потому, что Карл Маркс у них самое высшее начальство, мамаша.

Надежда Петровна. Хорошо ты придумал, да только нам этот мужчина всю обстановку испортит.

Павел Сергеевич. Напрасно вы, мамаша, беспокоитесь. Мы для порядочного человека «Вечер в Копенгагене» перевернуть можем, и приди к нам хоть сам господин Сметанич, и тот скажет, что мы не революционеры какие-нибудь, а интеллигентные люди.

Надежда Петровна. А знаешь, Павлушенька, ведь к нам господин Сметанич сегодня прийти обещался.

Павел Сергеевич. Как – прийти обещался?!

Надежда Петровна. Так, говорит, приду на сына вашего посмотреть и как вы вообще живете.

Павел Сергеевич. Что же вы, мамаша, раньше молчали? Удивительно. Давайте же скорей «Верую, Господи, верую» вешать. Неужели, мамаша, так и сказал: «приду, говорит, на сына вашего посмотрю»?

Надежда Петровна. Так и сказал.

Павел Сергеевич. Как вы хотите, мамаша, но только я по этому случаю новые штаны надену.

Надежда Петровна. погоди, я тебе еще не рассказала, что господин Сметанич своего сына за нашу Вареньку сватает.

Павел Сергеевич. Сватает?

Надежда Петровна. Да.

Павел Сергеевич. Своего сына за нашу Варьку?

Надежда Петровна. Да.

Павел Сергеевич. Вы, мамаша, меня простите, но только у вас здоровье слабое, – может быть, вы заболели?

Надежда Петровна. Нет, пока Бог милостив.

Павел Сергеевич. Как же он, мамаша, своего сына за нашу Варьку сватает, когда он нашей Варьки ни разу не видел?

Надежда Петровна. А разве это плохо?

Павел Сергеевич. Я ничего не говорю, может быть, если

бы он ее видел, так еще хуже было бы, только что-то не верится.

Надежда Петровна. А ты верь, когда тебе говорят.

Павел Сергеевич. Значит, мы, маменька, скоро господину Сметаничу родственники будем?

Надежда Петровна. Да ты не спеши, лучше о приданом подумай.

Павел Сергеевич. Приданое? Ну тогда, маменька, ничего не выйдет. Вы сами знаете – мы люди разоренные.

Надежда Петровна. Он деньгами, Павлуша, не хочет.

Павел Сергеевич. А чем же, мамаша?

Надежда Петровна. Живностью, дорогой.

Павел Сергеевич. Как так – живностью?

Надежда Петровна. Он, Павлуша, за нашей Варенькой в приданое коммуниста просит.

Павел Сергеевич. Что? Коммуниста?

Надежда Петровна. Ну да.

Павел Сергеевич. Да разве, мамаша, партийного человека в приданое давать можно?

Надежда Петровна. Если его с улицы брать, то, конечно, нельзя, а если своего, можно сказать, домашнего, то этого никто запретить не может.

Павел Сергеевич. Мы, мамаша, народ православный, у нас в дому коммунисты не водятся.

Надежда Петровна. Не бойся, сынок. Не бойся, Павлушенька, я грех замолю.

Павел Сергеевич. Какой грех?

Надежда Петровна. Да уж придется тебе, Павлушенька, в партию поступить.

Павел Сергеевич. Мне? В партию?

Надежда Петровна. Тебе, милый, тебе, Павлушенька. Уж очень на тебя господин Сметанич рассчитывает.

Павел Сергеевич. Держите, мамаша, лестницу, а то у меня в глазах потемнело.

Надежда Петровна. Ты только, Павлуша, подумай: выдадим мы Вареньку замуж, я к господину Сметаничу жить перееду, внучата у меня народятся образованные...

Павел Сергеевич. А я-то, мамаша, что делать стану?

Надежда Петровна. А чего тебе делать: разве у начальства какие дела бывают? Катайся на автомобиле, больше ничего. Ты только сообрази, Павлушенька: станешь ты у нас на автомобиле кататься, а я за тебя, Павлушенька, стану Богу молиться. Ты катаешься, а я молюсь, ты катаешься, а я молюсь, ну и житье у нас будет?!

Павел Сергеевич. Кататься? Ну, хорошо, маменька, я подумаю.

Надежда Петровна. Подумай, Павлуша, подумай. А еще я хотела сказать...

Павел Сергеевич. Не перебивайте меня, мамаша, я думаю. Эх, и пошло бы мне, маменька, начальством быть. Чуть где что, сейчас рукой по столу стукну – силянс! (*Ударяет молотком по стене, раздается шум падающей посуды.*)

Надежда Петровна. Ой, батюшки, никак у жильца посуда посыпалась!

Явление второе

Те же и Иван Иванович Широнкин.

В комнату с криком вбегает Иван Иванович Широнкин.

На голове у него горшок.

Широнкин. А вот он вы! Вы мне за это, гражданин, ответите. Я этого так, гражданин, не оставлю, я на вас, гражданин, управу найду!

Павел Сергеевич. А вы по какому праву в семейной квартире кричите?!

Широнкин. Как же мне не кричать, когда вы живого человека в молочной лапше утопили?

Павел Сергеевич. Но позвольте...

Широнкин. Не позволю!

Явление третье

Те же и Варвара Сергеевна Гулячкина.

Варвара Сергеевна. Что здесь за шум такой?!

Надежда Петровна. В чем дело, Иван Иванович, что с вами?

Широнкин. Сколько раз я вам говорил, Надежда Петровна, что я занимаюсь вдумчивым трудом, а вы мне нарочно в стенку гвозди вколачиваете.

Надежда Петровна. Мы до ваших гвоздей не касаемся, и вы до наших не касайтесь, пожалуйста, мы у себя в комнате.

Широнкин. Но простите, Надежда Петровна, я себе пищу готовлю сам...

Надежда Петровна. Между прочим, от вашей готовки один только запах в доме.

Широнкин. Виноват-с, я человек холостой и сожительниц, как вот у других, у меня нету, а если я с керосинкой живу, так ведь есть каждому человеку надо.

Надежда Петровна. Прошу вас о том, с кем вы живете, здесь не рассказывать – у меня дочь девушка.

Варвара Сергеевна. Ах, мама, вы преувеличиваете.

Широнкин. Не рассказывать! Как то есть не рассказывать, если у меня от обеда молочная каша осталась, а вы мне

ее на голову опрокидываете, так, по-вашему, мне молчать нужно?

Надежда Петровна. А мы за вашу лапшу отвечать не можем.

Широнкин. Не можете, а в стенку колотить до тех пор, пока все кастрюли на меня с полки попадали, это вы можете, а если б я в этой лапше до смерти захлебнулся, кто бы стал отвечать – вы или я?

Надежда Петровна. Эдак, Иван Иванович, одному таракану рассуждать впору, а люди в лапше не тонут.

Широнкин. Вот милиция разберет, тонут или не тонут. Я этого дела без протокола не оставлю.

Надежда Петровна. Что же, по-вашему, Иван Иванович, я каторжница какая-нибудь, чтобы на меня протоколы составлять?

Варвара Сергеевна. Вы лучше, Иван Иванович, горшок с головы снимите, не шляпа он – неудобно.

Широнкин. Ну уж нет, не сниму. Сейчас-то его снимешь, а после доказывай, что он у тебя на голове был. Дудки-с. Я товарищу комиссару так и скажу: «Вот вам, товарищ комиссар, вещественное доказательство в нарушении общественной тишины». Да-с. По-вашему – это горшок, а по-нашему – это улика.

Надежда Петровна. Что же вы, с уликой на голове так по улицам и пойдете?

Широнкин. Так и пойду.

Надежда Петровна. Да вас в сумасшедший дом упекут.

Широнкин. Нынче сумасшедших домов нету, теперь свобода.

Надежда Петровна. Прикрикни ты на него, Павлуша, пожалуйста.

Павел Сергеевич. Как же я на него, мамаша, прикрикну, когда у него характер такой нехороший?

Надежда Петровна. Прикрикни, милый, а то он и вправду в милицию пойдет.

Широнкин. Вы, Надежда Петровна, с сыном не перешептывайтесь. Я, Надежда Петровна, вашего сына не испугаюсь. Я, Надежда Петровна, на всем свете никого не боюсь. Мне, Надежда Петровна...

Павел Сергеевич. Силянс! Я человек партийный.

Все, начиная с Павла Сергеевича, страшно напуганы.

Иван Иванович от страха пятится задом к двери и уходит.

Явление четвертое

Те же, кроме Ивана Ивановича Широнкина.

Павел Сергеевич. Мамаша, я уезжаю в Каширу.

Варвара Сергеевна. Как уезжаешь?

Надежда Петровна. Зачем уезжаешь?

Павел Сергеевич. Потому, что за эти слова, мамаша, меня расстрелять могут.

Варвара Сергеевна. Расстрелять?

Надежда Петровна. Нету такого закона, Павлуша, чтобы за слова человека расстреливали.

Павел Сергеевич. Слова словам рознь, мамаша.

Надежда Петровна. Всякие я слова в замужестве слышала, всякие. Вот покойный Сергей Тарасыч уж такие слова говорил, что неженатому человеку передать невозможно, так и то своей смертью от водки умер, а ты говоришь...

Варвара Сергеевна. Пожалуйста, маменька, не расстраивайтесь, это просто абсурд и ерундистика.

Павел Сергеевич. Но поймите, мамаша, что я в партию не записан.

Надежда Петровна. А ты запишись.

Павел Сергеевич. Теперь, конечно, ничего не поделаешь, придется.

Надежда Петровна. Ну, вот и слава богу. Значит, ско-

ро и свадьбу сыграть можно. Варвара, поблагодари брата, он согласился.

Варвара Сергеевна. Мерси.

Павел Сергеевич. А вдруг, мамаша, меня не примут?

Надежда Петровна. Ну что ты, Павлуша, туда всякую шваль принимают.

Павел Сергеевич. В таком случае, мамаша, вы Уткина знаете?

Надежда Петровна. Это который из самолета упал?

Павел Сергеевич. То, мамаша, Уточкин, а это Уткин.

Надежда Петровна. Нет, такого не знаю.

Павел Сергеевич. Я с ним, мамаша, еще когда в Самару за хлебом ездил, в поезде познакомился. С виду он, мамаша, человек как человек, а на самом деле у него три родственника в коммунистах, так вот, мама, я их к себе пригласить думаю. Пусть они меня после в партию отрекомендуют.

Надежда Петровна. Пригласи, Павлушенька, пригласи, пожалуйста.

Павел Сергеевич. И еще я вам должен сказать, мамаша: если они узнают, что у вас прежде гастрономический магазин был, пребольшие пренеприятности получиться могут.

Надежда Петровна. Откуда им, Павлуша, узнать? Не узнают.

Павел Сергеевич. Я это к тому говорю, чтобы вы их с политикой принимали.

Надежда Петровна. У меня на сегодня, Павлушенька,

кулебяка с визигой приготовлена. Пожалуйста, кушайте на здоровье.

Павел Сергеевич. Вы, мамаша, совсем обалдели. Да разве коммунисты кулебяку с визигой употребляют?! Вы еще им крем-брюле предложите, мамаша. Им наше социальное положение надо показывать, а вы – кулебяку с визигой. И вообще, я, мамаша, не понимаю, если я в нашем семействе жертва, то я требую, чтобы все меня в доме боялись.

Надежда Петровна. Да разве мы, Павлу...

Павел Сергеевич. Силянс! Я вам, мамаша, последний раз в жизни заявляю: чтобы нынче к вечеру у нас все харчи пролетарского происхождения были, и никаких Копенгагенов. Понимаете?

Надежда Петровна. Понимаю, Павлушенька.

Павел Сергеевич. А если Варвара хоть одно слово о Боге или о гастрономическом магазине скажет, вот вам, ей-богу, я в Каширу поеду.

Варвара Сергеевна. Это даже довольно странно.

Павел Сергеевич. Ты у меня, Варвара, навозражаешься. Из-за тебя, можно сказать, молодого человека в цветущем здоровье в приданое переделывают, а ты на него носом крутишь.

Надежда Петровна. Варюша, сейчас же попроси у брата прощения.

Варвара Сергеевна. Но, мама...

Надежда Петровна. Варвара!

Варвара Сергеевна. Но, ма...

Надежда Петровна. Варька!

Варвара Сергеевна. Извиняюсь.

Павел Сергеевич. Ну, ладно, я пошел.

Надежда Петровна. Ты куда же, Павлуша? К Уткину?

Павел Сергеевич. К Уткину, маменька, к Уткину. О, господи, я пропал.

Надежда Петровна. Что с тобой, Павлуша?

Павел Сергеевич. Как же я, мамаша, их к себе приглашу, когда у нас ни одного родственника из рабочего класса нету?

Надежда Петровна. Я для тебя, Павлуша, ничего не пожалею, а уж чего нету – того нету.

Павел Сергеевич. А если мы, мамаша, каких-нибудь знакомых за родственников выдадим? Послушай, Варенька, у тебя знакомых из рабочего классу нету?

Варвара Сергеевна. Я, может быть, даже не со всякими конторщиками знакомство вожу, а не то что с рабочим классом.

Павел Сергеевич. Что же мне теперь делать, мамаша?

Надежда Петровна. погоди, надо у нашей Настьки спросить. Настька! Настька! Экая девка какая, наверное, опять за книжкой сидит. Настька!

Павел Сергеевич. Ты что же, оглохла? Родная мать надрывается, а ты молчишь?

Варвара Сергеевна. Мне кричать вредно, у меня регент

колоратурное сопрано обнаружил.

Павел Сергеевич. Ну и сиди в девках со своим сопраном.

Надежда Петровна. Ты что же, все дело испортить хочешь? Кричи, когда тебе говорят!

Варвара Сергеевна. Настька!

Павел Сергеевич. Какой у тебя, Варвара, голос до невозможности противный, прямо не знаю.

Варвара Сергеевна. Противный?! У меня регент...

Павел Сергеевич. Дурак твой регент. Настька!

Все. Настька!

Настя. Я!

Все. Ой!

Явление пятое

Те же и Анастасия Николаевна (Настька), кухарка Гулячкиных.

Надежда Петровна. Ты что кричишь? Ты что разоралась, я тебя спрашиваю? Ты где – на улице или в доме?

Настя. Я...

Надежда Петровна. Молчи, когда с тобой разговаривают. Тебе гренадером надо родиться, а не кухаркой. Не возражай. Тебя почему дозваться нельзя? А? Ты что же, опять книжки читаешь?! Что, я тебе жалованье плачу, чтобы ты на него книжки покупала? А?

Павел Сергеевич. Мамаша, передохните немного. Хотел я вас, Настя, спросить: что, к вам знакомые из рабочего класса не ходят?

Настя. Я, Павел Сергеевич, барышня.

Павел Сергеевич. Я не о том говорю. Я вас спрашиваю: что, у вас знакомых из рабочего класса нету?

Настя. У незамужних барышень знакомых не бывает.

Надежда Петровна. Настька, не ври!

Настя. Я, Надежда Петровна, у разных господ служила, и никогда у меня никаких знакомых не наблюдалось. Можете справиться.

Надежда Петровна. Настька, не ври, я тебе говорю.

Настя. А если вы, Надежда Петровна, об Иване Ивановиче говорите, так он не мужчина вовсе, а жилец.

Надежда Петровна. Что?

Настя. И если они меня в свою комнату приглашали, то это исключительно для увеличения бюста.

Варвара Сергеевна. А?

Павел Сергеевич. Для чего?

Настя. Для увеличения бюста.

Варвара Сергеевна. А?

Надежда Петровна. Ты, Настышка, совсем очумела. Я свою законную дочь замуж выдаю, а ты у меня в доме развратом занимаешься. Что, я тебе жалованье плачу, чтобы ты на него свой бюст увеличивала? А?

Варвара Сергеевна. Оставьте ее, мамаша, пожалуйста, это даже очень интересно. Скажите, Настя, он его в самом деле увеличивает?

Павел Сергеевич. Варенька?

Варвара Сергеевна. А?

Настя. На самом деле.

Павел Сергеевич. Варвара?

Варвара Сергеевна. Как же он это делает?

Павел Сергеевич. Варька!

Настя. Вот уж не знаю, а только он мне сам предложил. Я, знаете, когда в Трехсвятительском переулке жила, так у нас там как раз напротив фотография-миниатюр помещалась под названием «Электрический Шик». Ну, я, конечно,

в этом «Электрическом Шике» для своего собственного развлечения полдюжины карточек заказала. Но, как вы, барышня, сами знаете, карточки эти размера маленького и лицо на них получается только до пояса. Опять же, как у нас Иван Иванович человек, можно сказать, с фотографическим образованием, так они мне вчера и говорят: «Я, говорит, Анастасия Николаевна, для вас ваш бюст увеличу».

Варвара Сергеевна. Вот идиотка, только зря обнадежила.

Надежда Петровна. Ты что же это? А? Сейчас же пошла на кухню и чтоб духу твоего не было.

Настя уходит.

Явление шестое

Те же без Насти.

Надежда Петровна. Сколько я из-за этой девки переживаний испытываю, прямо никаких нервов не напасешься.

Павел Сергеевич. В данный момент этот вопрос второстепенный, мамаша. Вы мне лучше скажите, мамаша: что я со своими родственниками делать буду, когда их у меня нету?

Варвара Сергеевна. Тоже заладил: родственники да родственники.

Павел Сергеевич. Заладил. Ты что сказала – заладил? Нет, скажите на милость – «заладил»! И что это за новое слово такое – «заладил»? Главное дело, заладил, тоже заладил-заладил. Я тебя спрашиваю: ты что сказала?

Варвара Сергеевна. Заладил.

Павел Сергеевич. Заладил?

Варвара Сергеевна. Натурально.

Павел Сергеевич. Так вот тебе, Варвара, мой ультиматум. Пока ты мне родственников из рабочего класса не найдешь, ты у меня из девического состояния не выйдешь. Это раз.

Варвара Сергеевна. Где же я их, Павел, достану?

Павел Сергеевич. Я тебе убедительно повторяю: это раз.

А жильца вашего, который посторонним кухаркам бюсты увеличивает, вы мне отсюда выживите. Я с ним под одной кровлей все равно не останусь — это два.

Варвара Сергеевна. Да разве его, Павел, выживешь?

Павел Сергеевич. Ты говоришь, что не выживешь?

Варвара Сергеевна. Определенно.

Павел Сергеевич. А я говорю, что это два. Всего хорошего. (*Уходит. Варвара Сергеевна—вслед за ним.*)

Явление седьмое

Надежда Петровна, Тамара Леопольдовна.

Надежда Петровна. Тамара Леопольдовна, вы ли это? Господи, счастье какое.

Два человека вносят сундук.

Батюшки, никак вы ко мне переезжаете, Тамара Леопольдовна?

Тамара Леопольдовна. Ах, и не спрашивайте, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Ах, я не понимаю, Тамара Леопольдовна.

Тамара Леопольдовна. Ах, это просто ужас, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Ах, вы меня пугаете, Тамара Леопольдовна.

Тамара Леопольдовна. Ах, и не говорите, Надежда Петровна! *(Носильщикам.)* Ставьте его сюда. Так. Больше вы мне не понадобится.

Два человека уходят.

Надежда Петровна. Присаживайтесь, присаживайтесь, Тамара Леопольдовна, вот в креслице на подушечку. Здоровьице-то ваше, Тамара Леопольдовна, здоровьице?

Тамара Леопольдовна. Неужели вы не видите, что на мне лица нет?

Надежда Петровна. Батюшки, никак с вами несчастье приключилось?

Тамара Леопольдовна. Ах, это такой кошмар, это такой кошмар! Вы только подумайте, Надежда Петровна, у нас обыск сегодня ожидается. Разве мужики могут оценить даму, Надежда Петровна?

Надежда Петровна. А за что же они, окаянные, вас обыскивать будут?

Тамара Леопольдовна. Какая вы наивная, Надежда Петровна. Как – за что? Разве теперь что-нибудь за что-нибудь бывает?

Надежда Петровна. Ну что это за жизнь такая, что за жизнь!

Тамара Леопольдовна. Ах, и не говорите. Такая великая страна – и вдруг революция. Прямо неловко перед другими державами. Знаете, Надежда Петровна, мой муж всегда говорит: «Если бы революцию сделали через сто лет, я бы ее принял».

Надежда Петровна. Что же вы теперь делать будете, Тамара Леопольдовна?

Тамара Леопольдовна. У меня к вам просьба, Надежда

Петровна, только не знаю, согласитесь ли вы.

Надежда Петровна. Да я для вас... ведь вы у нас прежде первой покупательницей были, Тамара Леопольдовна.

Тамара Леопольдовна. В таком случае оставьте у себя этот сундук.

Надежда Петровна. Только-то и всего?

Тамара Леопольдовна. Ай, не думайте, пожалуйста, этот сундук очень опасный.

Надежда Петровна. Опасный?

Тамара Леопольдовна. Вот посмотрите. *(Открывает.)*

Надежда Петровна. Платье. А уж я подумала – бомба.

Тамара Леопольдовна. Ах, если бы вы знали, чье это платье, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Разве не ваше, Тамара Леопольдовна?

Тамара Леопольдовна. Ах, и не спрашивайте. Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Ах, да чье же, Тамара Леопольдовна!

Тамара Леопольдовна. Ах, и не говорите. Надежда Петровна!

Надежда Петровна. Ах, скажите, Тамара Леопольдовна!

Тамара Леопольдовна. Ну, так знайте, Надежда Петровна... Это платье... Закройте дверь, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Закрыла, Тамара Леопольдовна!

Тамара Леопольдовна. Это платье... Александры Федоровны.

Надежда Петровна. Какой же это Александры Федоровны? Это уж не акушерки ли Александры Федоровны, с которой мы вместе Павлушу рожали?

Тамара Леопольдовна. Какой акушерки, Надежда Петровна, – императрицы!

Надежда Петровна. Импе... ох, Тамара Леопольдовна!

Тамара Леопольдовна. Ох, Надежда Петровна! Словом, если это платье обнаружат у нас – мы погибли!

Пауза.

Надежда Петровна. Какие ужасы говорите вы. Вы лучше его забросьте куда-нибудь, Тамара Леопольдовна!

Тамара Леопольдовна. Вы с ума сошли. Надежда Петровна. Вы понимаете ли, Надежда Петровна, что в этом сундуке помещается все, что в России от России осталось. А кому же в теперешнее время спасти Россию, как не нам с вами, Надежда Петровна?

Надежда Петровна. Это верно, Тамара Леопольдовна.

Тамара Леопольдовна. А потом, Надежда Петровна, если не сегодня-завтра французы в Россию какого-нибудь царя командируют, муж мой из-за этого платья, может быть, даже награды удостоится.

Надежда Петровна. Награды? Какой же награды?

Тамара Леопольдовна. Ну какой, я не знаю, какой; может быть, орден какой-нибудь или пенсию.

Надежда Петровна. Пенсию? Вы уж тогда, Тамара Леопольдовна, и об нас похлопочите, пожалуйста.

Тамара Леопольдовна. Какие же тут могут быть разговоры, Надежда Петровна, за такое геройство обязательно похлопочем.

Надежда Петровна. Да я для вас, Тамара Леопольдовна...

Тамара Леопольдовна. Не для меня, Надежда Петровна, а для России.

Пауза.

Надежда Петровна. Да когда же это старое время придет?

Тамара Леопольдовна. Мой супруг мне сегодня утром сказал: «Тамарочка, погляди в окошечко, не кончилась ли советская власть!» – «Нет, говорю, кажется, еще держится». – «Ну что же, говорит, Тамарочка, опусти занавесочку, посмотрим, завтра как».

Надежда Петровна. И когда же это завтра настанет?!

Тамара Леопольдовна. Терпение, Надежда Петровна, терпение. А пока возьмите это. *(Вынимает револьвер.)*

Надежда Петровна. Батюшки?! Пистолет!

Тамара Леопольдовна. Не бойтесь, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. А если он выстрелит?

Тамара Леопольдовна. Если его не трогать, Надежда Петровна, он не выстрелит. А все-таки как-то за платье спокойнее. Итак, храните его и уповайте на Бога.

Надежда Петровна. Уповаю, Тамара Леопольдовна, уповаю. На кого же и уповать, когда в Москве из хороших людей, кроме Бога, никого не осталось.

Тамара Леопольдовна. Ну, до свиданья, Надежда Петровна, и помните – никому ни слова.

Надежда Петровна. Я, Тамара Леопольдовна, – могила. Храни вас Бог!

Тамара Леопольдовна уходит.

Явление восьмое

Надежда Петровна одна.

Надежда Петровна. Господи боже мой, ну что это за жизнь такая, что это за жизнь. Свою собственную дочь замуж выдаешь, так страху не оберешься. В своем, собственном доме, за свою, собственную квартиру деньги платить приходится. Ну что это за жизнь такая, что это за жизнь. А люди, люди какие стали! Девицы не только детей рожают, а даже табак курят. Мужчины не только что даме – священнослужителю место в трамвае уступить не могут. Ну что это за жизнь такая, что это за жизнь! А с церковью, с церковью что сделали! Ну уж нет. Истинно верующий человек и дома помолиться сумеет. *(Во время монолога застилает стол чистой скатертью, ставит на нее граммофон. По бокам граммофона ставит две восковые свечи.)* Недаром в псалме сыновей Киреевых за номером восемьдесят шесть черным по белому напечатано: «И поющие и играющие все источники мои в тебе...» *(Пускает пластинку, становится на колени. Граммофон начинает служить обедню.)* Истинно сказано: всякое дыхание да славит Бога.

Явление девятое

Надежда Петровна, Настя.

Настя. Барыня!

Надежда Петровна. Экая сволочь! Я крещусь, а ты мне под руку говоришь! Что тебе?

Настя. Помолиться охота!

Надежда Петровна. Ну, иди молись, перемени пластинку. Сейчас домолишься, а там, глядишь, и кулебяка поспеет.

Граммфон играет «Серафиму».

Что ты! Что ты наделала? Вот дура! Не ту пластинку поставила! Дура! Дура!

Занавес.

Действие второе

Явление первое

В квартире Гулячкиных. Настя за книгой.

Настя(*читает*). «Милорд, вскричала принцесса. Я никогда не говорила, что люблю вас, вы забываетесь. Принцесса, вскричал милорд. Вот вам моя шпага, проколите меня насквозь». Ох и отчаянный этот милорд, прямо не знаю. «Несчастный, вскричала принцесса, так вы меня в самом деле любите. Увы, вскричал милорд, люблю ли я вас? Я люблю вас, как птичка любит свободу». Ну, до чего симпатичный этот милорд, просто удивительно симпатичный. «В таком случае, вскричала принцесса, я сбрасываю маску лицемерия. И их уста соединились в экстазе». Господи, какая жизнь. И такую жизнь (*пауза*) ликвидировали. Если бы наше правительство принцессскую жизнь знало, разве бы оно так поступило? «Но любовь похожа на мираж, и в спальню вошел герцог». Ну сейчас начнется история. Ужасно характерный мужчина этот герцог, кого ни встретит – сейчас обругает.

Явление второе

Настя, Иван Иванович. Иван Иванович входит.

Настя. «Мерзавец, вскричал герцог. Тебе не место в этой комнате».

Иван Иванович. За что вы меня так, Анастасия Николаевна?

Настя. «Мерзавец, ты лишаешь меня чести за моей спиной».

Иван Иванович. Ей-богу, нет, Анастасия Николаевна, честное слово, вам показалось.

Настя. Ах, Иван Иваныч!

Иван Иванович. Поверьте, Анастасия Николаевна, что честь женщины не пустой звук для меня, это цель моей жизни. Но я чувствую, Анастасия Николаевна, нравственную потребность опереться о женскую душу.

Настя. Что вы такое говорите, Иван Иваныч.

Иван Иванович. Поймите, Анастасия Николаевна, я человек холостой и белье мое штопать некому, к тому же вы женщина полная и можете дать человеку забвенья.

Настя. Я, Иван Иваныч, барышня молоденькая, и мне этого понимать нельзя.

Иван Иванович. Вы, пожалуйста, не думайте, Анастасия Николаевна, что у меня усы, душой я, Анастасия Николаев-

на, настоящий ребенок.

Настя. Ах, зачем, зачем же... Усы – это божий дар. Но только вы напрасно, Иван Иванович, их шиворот-навыворот носите.

Иван Иванович. То есть как это – шиворот-навыворот?

Настя. Вы их, Иван Иванович, вниз опускаете, а вы их, Иван Иванович, лучше вверх поднимите, тогда для глаз совершенно приятней будет.

Иван Иванович. Мужские усы, Анастасия Николаевна, нуждаются в женской ласке, без этого они правильно произрастать не могут, но придайте вы им вашими ручками правильное направление – и они будут пребывать в вечном блаженстве.

Настя. Ах, что вы, Иван Иванович, я не сумею.

Иван Иванович. Сумеете, Анастасия Николаевна, ей-богу, сумеете.

Настя. Нет.

Иван Иванович. Да вы только попробуйте.

Настя. Ах, зачем я буду чужие усы пробовать.

Иван Иванович. Хотя бы для любопытства, Анастасия Николаевна.

Настя. Уж разве только для любопытства, Иван Иванович. Но вы, пожалуйста, из-за этого чего не подумайте.

Иван Иванович. Я, Анастасия Николаевна, никогда ничего не думаю.

Настя. В таком разе извольте. (Пауза.) Между прочим,

они у вас нисколько не поднимаются.

Иван Иванович. Как то есть не поднимаются?

Настя. Должно быть, они от рождения такие.

Иван Иванович. А вы пальчики послунявьте, Анастасия Николаевна.

Настя. С удовольствием.

Иван Иванович. Поверьте, Анастасия Николаевна, что вы проникаете мне через усы в самое сердце. *(Хочет ее обнять.)*

Настя. Милорд, вы забываетесь.

Иван Иванович. Простите меня, это был безумный порыв. Но знайте, Анастасия Николаевна, что я за любовь ничего не побоюсь, если вы хотите соединиться со мной навеки, я согласен.

Настя. Ваша личность мне очень мало знакома, и я знать не могу – может быть, у вас где-нибудь даже дети есть.

Иван Иванович. Дети, Анастасия Николаевна, не позор, а несчастье. А если вы что-нибудь против моей наружности имеете...

Настя. Ах нет, наружность у вас очень пропорциональная.

Иван Иванович. Или, может быть, касательно того, как я одеваюсь?

Настя. Ах, что вы!

Иван Иванович. То если вы взглянете на мой галстук, вы убедитесь воочию, что я одеваюсь с большим комфортом.

Настя. У вас галстук очень красивый, только зачем вы его вместе с лапшой завязываете?

Иван Иванович. Как – с лапшой?

Настя. Вот-с, Иван Иваныч, кусок настоящей лапши.

Иван Иванович. Ах, мерзавец!

Настя. Вскричал герцог.

Иван Иванович. Что?

Настя. Это у меня вырвалось. Но кого вы, простите за выраженье, так обозвали?

Иван Иванович. Как кого? Конечно, Павла Сергеевича.

Настя. Павла Сергеевича!

Иван Иванович. Между прочим, скажите, пожалуйста: когда ваш Павел Сергеевич в партию поступить успел?

Настя. Они у нас, Иван Иваныч, ни в какую партию не поступали.

Иван Иванович. Как – не поступали?

Настя. Очень обыкновенно.

Иван Иванович. Не поступали? Скорей говорите, куда вы лапшу с моего галстука положили.

Настя. На пол, Иван Иваныч.

Иван Иванович. На пол! Да где же она?

Настя. Вы напрасно ищете, Иван Иваныч, потому что лапшу у себя под ногами кушать для желудка очень опасно.

Иван Иванович. Вы мне ее, пожалуйста, поскорей возвратите, а я сейчас. (*Уходит.*)

Явление третье

Настя одна.

Настя. Как они деликатно свои чувства изображали, и вдруг – лапша. Да вот она, кажется. Подумать только, что такой маленький кусочек теста и может разбить мечту.

Явление четвертое

Настя, Иван Иванович.

Иван Иванович (*входит, на голове горшок*). Ну что, нашили?

Настя. Господи, Иван Иваныч. Зачем вы горшок себе на голову надели?

Иван Иванович. Тсс! Тсс! Ради бога, не говорите, что я его надел. Пусть все думают, что я его не снимал.

Настя. Как – не снимали? Да разве вы, Иван Иваныч, вообще-то, в горшке живете?

Иван Иванович. Временно-с принужден. Но где же лапша моя, Анастасия Николаевна?

Настя. Вы прежде с нее, Иван Иваныч, грязь тряпочкой оботрите.

Иван Иванович. Наоборот, Анастасия Николаевна, чем больше, тем лучше. Пусть беспристрастное правосудие увидит, как бывшие домовладельцы втаптывают в грязь трудолюбивого обывателя посредством молочной лапши.

Настя. Куда же вы в таком виде, Иван Иваныч?

Иван Иванович. В милицию, Анастасия Николаевна, в милицию. (*Уходит.*)

Явление пятое

Настя одна.

Настя. В милицию. Иван Иванович! Иван Иванович! Ушел! Ясно, что человека в таком головном уборе из милиции обратно не выпустят. (*Убегает.*)

Явление шестое

Варвара Сергеевна.

Варвара Сергеевна. Шарманщик!

Явление седьмое

Входит шарманщик.

Варвара Сергеевна. Входите. Входите! Становитесь вот к этой стенке и играйте, пожалуйста. Ну что же вы?

Шарманщик. Мне, конечно, наплюнуть, но только я лучше на двор пойду, а вы меня в форточку послушаете.

Варвара Сергеевна. Что?

Шарманщик. Я трепаться, сударыня, не люблю, а только у меня музыка для свежего воздуха приспособлена.

Варвара Сергеевна. Это не что иное, как просто жульничество. Зачем вы раньше со мною улаивались?

Шарманщик. Я думал – у вас именины или еще пьянство какое-нибудь, а так, один на один, я в жилом помещении играть не согласен.

Варвара Сергеевна. Но поймите, что мы выживаем.

Шарманщик. Я вижу, что вы выживаете. Нынче очень много людей из ума выживают, потому как старые мозги нового режима не выдерживают.

Варвара Сергеевна. Мы вовсе не из ума выживаем, а жильца.

Шарманщик. Ах, жильца, ну это дело другое. За что же вы его, сударыня, выживаете?

Варвара Сергеевна. За то, что он хулиган. Можете себе

представить, он из меня девушку до конца моей жизни делает.

Шарманщик. Да ну?! Как же он из вас, сударыня, девушку делает?

Варвара Сергеевна. Вы, наверное, не заметили, что я невеста. Так вот, я невеста! Ну а брат мой, Павел Сергеевич, нынче мне утром на этого жильца ультиматум поставил. Если ты, говорит, из квартиры его не выживешь, ты у меня из девического состояния не выйдешь.

Шарманщик. Ну это, конечно, обидно, потому что девическое состояние вроде собаки на сене: ни себе, ни людям.

Варвара Сергеевна. Именно. Вот мы с маменькой и решились его пением выжить.

Шарманщик. Так. Вы какую музыку больше обожаете?

Варвара Сергеевна. Церковную.

Шарманщик. У меня, барышня, инструмент светский, он церковной музыки не играет.

Варвара Сергеевна. Ну играйте, какую умеете, только погромче.

Шарманщик играет, Варвара Сергеевна поет. Голос Насти: «Потерпите минутку, я сейчас!» Вбегает Настя.

Явление восьмое

Варвара Сергеевна, шарманщик, Настя.

Настя. Батюшки, живая, смотри, живая. Мать Пресвятая Богородица, как есть живая!

Варвара Сергеевна. Кто? Кто? Кто живая? Кто живая?

Настя. Да вы, Варвара Сергеевна, живая, как, ей-богу, живая.

Варвара Сергеевна. Ты что, рехнулась или с ума сошла?

Настя. Да как же, Варвара Сергеевна, я сейчас с нижней кухаркой на кухне стою, а она мне и говорит: «Никак, говорит, вашу Варвару Сергеевну режут, потому что она не своим голосом кричит».

Варвара Сергеевна. Как это не своим голосом, во-первых, у меня свой такой голос, а во-вторых, ты дура. Ну, хватит с тебя разговоров, танцуй.

Настя. Чего? Это?

Варвара Сергеевна. Танцуй, говорю!

Настя. Я, барышня, танцами не занимаюсь.

Варвара Сергеевна. Как не занимаешься? Если ты к нам на всякую черную работу нанялась, то ты не имеешь полного права отказываться, раз тебе говорят танцуй, то, значит, танцуй. Играйте, играйте, милостивый государь. Пойте, пойте сильней. Что же я такое делаю. Стойте, стойте, стойте ско-

рей. Настя, пойдика сюда. Понюхай меня, я не выдохлась? Ну! Что? Как? Пахну?

Настя. Немного пахнете.

Варвара Сергеевна. Ну слава богу. А то ведь от этих танцев из меня весь аромат после парикмахерской улетучиться может. А я его для Валериана Олимповича берегу.

Шарманщик. Я думаю, что он теперь, наверное, укладывается, сударыня, потому я даже запрел.

Настя. Кто укладывается?

Варвара Сергеевна. Иван Иванович.

Настя. Иван Иванович? Их нет.

Варвара Сергеевна. Где же он?

Настя. Они-с...

Варвара Сергеевна. Да.

Настя. Иван Иванович...

Варвара Сергеевна. Ну да!

Настя. В горшке.

Варвара Сергеевна. Где?

Настя. То есть... Я хотела сказать, что они, наверное, того-с, вышли...

Варвара Сергеевна. Значит, мы задаром играли.

Шарманщик. Нет.

Варвара Сергеевна. Что нет?

Шарманщик. То нет. Это вы пели задаром, а мне за игру будьте любезны заплатить, что причитается.

Варвара Сергеевна. Погодите, вы кто?

Шарманщик. Как кто?

Варвара Сергеевна. Так, кто?

Шарманщик. Я... народный артист.

Варвара Сергеевна. Нет, вы из какого класса вышли?

Шарманщик. Из второго. Церковноприходского училища.

Варвара Сергеевна. Я не про то говорю, вы из рабочего класса?

Шарманщик. Нет, я из искусственного – музыкант-самоучка.

Варвара Сергеевна. Ах, какая досада.

Шарманщик. А вам на что?

Варвара Сергеевна. Это не мне, а моему брату. Я ему, видите ли вы, родственников из рабочего класса обещала найти.

Шарманщик. Родственников?

Варвара Сергеевна. Именно. К нему, видите ли, сегодня из большевистской партии с визитом придут, а у него родственников из рабочего класса нету.

Шарманщик. Что же вы ими раньше не обзавелись, барышня?

Варвара Сергеевна. Раньше такие родственники в хозяйстве не требовались.

Шарманщик. Как же вы теперь, барышня, устроитесь?

Варвара Сергеевна. Надо каких-нибудь пролетариев напрокат взять, да только где их достанешь.

Шарманщик. Ну, такого добра достать нетрудно.

Варвара Сергеевна. А вы не можете этого сделать?

Шарманщик. Отчего не могу?

Варвара Сергеевна. У нас, знаете, кулебяка с визигой на сегодня приготовлена и потом всевозможные конфеты ландрин. Вообще, мы для рабочего класса ничего не пожалеем.

Шарманщик. Ну, это для тела, а для души?

Варвара Сергеевна. Как для души?

Шарманщик. Выпивка, например, у вас будет?

Варвара Сергеевна. Будет.

Шарманщик. Будет?

Варвара Сергеевна. Будет.

Шарманщик. Не понимаю, как это у меня память отшибло.

Варвара Сергеевна. А что?

Шарманщик. Ведь я, оказывается, сам из рабочего класса.

Варвара Сергеевна. Ах какой сюрприз!

Шарманщик. Вам, барышня, в каком количестве родственники требуются?

Варвара Сергеевна. Я думаю, человек пять хватит, на каждого коммуниста по родственнику.

Шарманщик. Ну а я думаю, на каждого родственника по бутылке.

Варвара Сергеевна. В таком случае я вас жду.

Шарманщик. Будьте покойны.

Настя и шарманщик уходят.

Явление девятое

Варвара Сергеевна одна.

Варвара Сергеевна. Столько забот, столько забот, и никакого развлечения. Один раз в месяц в парикмахерскую выпросишься, вот и все удовольствие. В церковь меня мамаша не пускает, говорит, там убьют. В бани теперь всякая шантрапа ходит, так что даже не интересно мыться. Вообще, интеллигентной девушке в создавшемся положении пойти некуда. Одно интересно узнать: понравлюсь ли я Валериану Олимповичу или не понравлюсь. По-моему, понравлюсь. У меня очень душа и ресницы хорошие. И потом, мне улыбка очень к лицу, только жалко, что она в этом зеркале не помещается.

Явление десятое

Варвара Сергеевна, Павел Сергеевич.

Павел Сергеевич. Варька, ты зачем рожи выстраиваешь? А?

Варвара Сергеевна. А разве мне не к лицу?

Павел Сергеевич. При такой физиономии, как твоя, всякая рожа к лицу, только нужно, Варвара, и о брате подумать: к лицу, мол, ему такая сестра или нет.

Варвара Сергеевна. Это вовсе не рожа, Павлушенька, а улыбка.

Павел Сергеевич. Улыбка! Я тебе как честный человек говорю: если ты нынче вечером перед моими гостями такими улыбками улыбаться будешь, я от тебя отрекусь.

Варвара Сергеевна. Тебе от меня отрекаться нельзя.

Павел Сергеевич. А я говорю, что отрекусь и вдобавок еще на всю жизнь опозорю.

Варвара Сергеевна. Как же ты можешь меня опозорить?

Павел Сергеевич. Очень просто: скажу, что ты не сестра моя, а тетка.

Варвара Сергеевна. Я тебе, Павел, родственника достала, а ты меня таким словом обозвать хочешь, это нахально.

Павел Сергеевич. Достала. Что же он – рабочий?

Варвара Сергеевна. Рабочий.

Павел Сергеевич. Каким же он трудом занимается?

Варвара Сергеевна. Ручным. (*Радостно.*) Ну а коммунисты к тебе придут?

Павел Сергеевич. Придут. Их сам Уткин ко мне привести обещал.

Варвара Сергеевна. Значит, ты теперь вроде как совсем партийный?

Павел Сергеевич. С ног и до головы. Подожди, Варвара. Вот я даже портфель купил, только билета партийного нету.

Варвара Сергеевна. Ну, с портфелем, Павел, и без билета всюду пропустят.

Павел Сергеевич. Итак, Варя, начинается новая жизнь. Да, кстати, ты не знаешь, Варенька, что это такое Р.К.П.?

Варвара Сергеевна. Р.К.П.? Нет, не знаю. А тебе зачем?

Павел Сергеевич. Это Уткин раз в разговоре сказал: «Теперь, говорит, всякий дурак знает, что такое Р.К.П.»

Варвара Сергеевна. Как же, Павлушенька, ты не знаешь?

Павел Сергеевич. Я, собственно, наверное, знал, но только у партийного человека столько дел в голове, что он может об этом и позабыть.

Варвара Сергеевна. Посмотри, Павел, – сундук.

Павел Сергеевич. Где сундук?

Варвара Сергеевна. Вот сундук.

Павел Сергеевич. Действительно сундук.

Варвара Сергеевна. Странно.

Павел Сергеевич. Действительно странно.

Варвара Сергеевна. Что бы в нем могло быть?

Павел Сергеевич. А ты загляни.

Варвара Сергеевна. На нем, Павел, замок.

Павел Сергеевич. Действительно замок.

Варвара Сергеевна. Удивительно.

Павел Сергеевич. Действительно удивительно. И зачем это маменька плачется, что у ней в сундуках ничего не осталось. Спросишь, Варюшенька, маменьку: «Где у нас, маменька, папины штаны?» – «Съели мы их, говорит, Павлушенька, съели. Мы, говорит, в восемнадцатом году все наше имущество на муку променяли и съели». Спросишь, Варюша, у маменьки деньги. «Откуда у нас, говорит, Павлушенька, деньги. У нас, говорит, в восемнадцатом году все отобрали». – «На что же мы, скажешь, маменька, живем?» – «Мы, говорит, Павлушенька, живем. Мы, говорит, Павлушенька, папенькины штаны доедаем». Какие же это у нашего папеньки штаны были, что его штанами целое семейство питается?

Варвара Сергеевна. Не иначе как у нашей маменьки кроме папенькиных штанов что-нибудь да осталось.

Павел Сергеевич. Как же, Варюшенька, не осталось, когда она сундуки на замки запирает.

Варвара Сергеевна. А замочек-то, Павел, маленький.

Павел Сергеевич. Да, замочек неважный.

Варвара Сергеевна. Такие замки вилкой и то, наверное,

отпереть можно.

Павел Сергеевич. Ну, вилкой не вилкой, а гвоздиком, наверное, можно. А если узнают?

Варвара Сергеевна. Кто же, Павел, узнает? Мы, кажется, люди честные, на нас никто подумать не может.

Павел Сергеевич. А что, если маменька?

Варвара Сергеевна. Маменька обязательно на Настьку подумает, потому что кухарки – они все воровки, и наша, наверное, воровка.

Павел Сергеевич. Это действительно, наверно, воровка, у ней даже в глазах есть что-то такое, и вообще...

Варвара Сергеевна. Воровка, Павел, воровка.

Павел Сергеевич. Сколько на свете бесчестных людей развелось, прямо никакому учету не поддается. *(Всовывает гвоздь в замок, пытается отпереть.)*

Явление одиннадцатое

Варвара Сергеевна, Павел Сергеевич, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Заступница, никак, кто-то императорское платье взламывает. Взламывают! Так и есть, взламывают. Караул! Застрелю!

Варвара Сергеевна. Караул... Жулики...

Павел Сергеевич. Ложись!

Надежда Петровна. Должно быть, большевики или бандиты какие-нибудь.

Павел Сергеевич(из-за сундука). Товарищ!

Надежда Петровна. Ну, значит, большевики. Только бы он у меня не выстрелил, только бы не выстрелил.

Револьвер выстреливает.

Павел Сергеевич. Варька, пощупай меня, я жив?

Варвара Сергеевна. По-моему, жив.

Надежда Петровна. Контузила я себя, ей-богу, контузила.

Павел Сергеевич. А ты?

Варвара Сергеевна. Кажется, тоже немножко жива.

Надежда Петровна. Арестуют они меня, окаянные, сейчас арестуют.

Павел Сергеевич. Товарищ, обратите внимание, мы – дети, честное слово, дети, как говорится, цветочки будущего.

Надежда Петровна. Мне это платье Тамара Леопольдовна подсунула, честное слово, – Тамара Леопольдовна.

Павел Сергеевич. Ну какой вам, товарищ, прок, если вы нас застрелите, скоро наша мамаша придет, это дело другое.

Надежда Петровна. Вы мне прямо скажите: вы большевики или жулики?

Павел Сергеевич. Мы беспартийные, товарищ, третьей гильдии.

Надежда Петровна. Ну, слава тебе господи, значит, жулики. Караул, грабят!

Павел Сергеевич. Мамаша!

Надежда Петровна. Караул, застрелю!

Павел Сергеевич. Да что вы, мамаша, это я, Павел.

Надежда Петровна. Неужто ты?

Павел Сергеевич. Я, маменька.

Варвара Сергеевна. Он, маменька, он.

Павел Сергеевич. Да разве вы, маменька, сами не видите?

Надежда Петровна. Кого же я, Павел, могу увидеть, когда я на оба глаза зажмурена.

Павел Сергеевич. Мамаша, сию же минуту откройте глаза, иначе может произойти катастрофа.

Надежда Петровна. Как же я, Павлушенька, их открою, когда он, того и гляди, выстрелит.

Павел Сергеевич. Мамаша, вы опять на меня нацелили. Поверните его, мамаша, к себе дыркой, дыркой, дыркой к себе поверните, цельтесь в себя, цельтесь в себя, вам говорю, а то вы еще, упаси господи, нас застрелите.

Надежда Петровна. Взорвется он у меня, Павлушенька, ей-богу, взорвется.

Варвара Сергеевна. Маменька, положите его куда-нибудь.

Надежда Петровна. Я чувствую, Павлушенька, он начинает выстреливать. *(Роняет револьвер.)*

Павел Сергеевич. Вы что это, мамаша, из нашей квартиры какую-то гражданскую войну устраиваете. Теперь, мамаша, объясните, пожалуйста: откуда у вас огнестрельное оружие?

Надежда Петровна. Мне его, Павлушенька, Тамара Леопольдовна принесла.

Павел Сергеевич. Это еще для чего?

Надежда Петровна. Для самозащиты платья, Павлушенька.

Варвара Сергеевна. Платья?

Павел Сергеевич. Какого платья?

Надежда Петровна. А такого, Павлушенька, платья, в котором в прежнее время все наше государство помещалось.

Павел Сергеевич. Где же оно теперь помещается, маменька?

Надежда Петровна. В сундуке, Павлушенька.

Павел Сергеевич. Как же оно в нем помещается, маменька?

Надежда Петровна. Теперь из него, Павлушенька, все государство вытряхнули.

Варвара Сергеевна. Чье же это платье, мамаша?

Пауза.

Надежда Петровна. Вы спервоначалу побожиться, что никому не скажете, потому что я сама побожилась, что никому не скажу.

Варвара Сергеевна. Ей-богу, маменька, не скажу.

Надежда Петровна. А ты, Павлуша?

Павел Сергеевич. Мне божиться нельзя.

Варвара Сергеевна. Побожись, Павел, никто не услышит.

Павел Сергеевич. Ей-богу, не скажу.

Надежда Петровна. Это платье, дети мои (*крестится*), государыни нашей, императрицы Александры Федоровны.

Пауза.

Павел Сергеевич. Простите меня за намек, мамаша, но вы врете.

Надежда Петровна. Вот как на исповеди, не вру. Хочешь, так сам посмотри. (*Отпирает сундук.*)

Павел Сергеевич. Мамаша, да оно совсем новенькое.

Варвара Сергеевна. Ох и смелая эта портниха была, которая государыне шить не побоялась.

Павел Сергеевич. Дура ты, Варька, государыням портнихи не шьют.

Варвара Сергеевна. А кто же?

Павел Сергеевич. Генеральша какая-нибудь, а может, и княгиня даже.

Варвара Сергеевна. Хотелось бы мне посмотреть, мамаша, как оно получается, когда в нем женщина.

Павел Сергеевич. Подобных женщин не держат в России.

Варвара Сергеевна. А что, если я?!

Павел Сергеевич. Твоего сложения на такое платье не хватит. А Настька! Обратите внимание, мамаша, Настьке будет как раз по мерке.

Надежда Петровна. Что ты! Что ты!

Павел Сергеевич. Да, да, Настька! Настька! Настька!

Варвара Сергеевна с платьем уходит.

Явление двенадцатое

Павел Сергеевич и Надежда Петровна.

Надежда Петровна. А знаешь, Павлушенька, мне Тамара Леопольдовна пенсию обещала выхлопотать.

Павел Сергеевич. За что пенсию?

Надежда Петровна. За спасение России.

Павел Сергеевич. Как за спасение России? Во-первых, коммунисты Россию спасти не позволят.

Надежда Петровна. Кто же, Павлуша, их будет спрашиваться, когда не сегодня-завтра французы в Россию царя командируют.

Павел Сергеевич. Как царя? Вы понимаете ли, мамаша, о чем вы говорите. Если в Россию на самом деле какого-нибудь царя командируют, то меня тут же безо всяких разговоров повесят, а после доказывай, что ты не коммунист, а приданое.

Надежда Петровна. Но, Павел, пенсия.

Павел Сергеевич. Ну зачем же мне в мертвом виде ваша пенсия, маменька?

Надежда Петровна. А если тебе за такое геройство каменный памятник высекут?

Павел Сергеевич. Высекут?

Надежда Петровна. За такое геройство обязательно вы-

секут. В наизидание потомству. Все равно как первопечатнику какому-нибудь.

Павел Сергеевич. А меня с ним, мамаша, не спутают?

Надежда Петровна. Тебя, Павел, ни с кем не спутают, у тебя очень фигура представительная.

Павел Сергеевич. Фигура-то у меня действительно ничего. Значит, мне, маменька, в партию вступать нельзя.

Надежда Петровна. Как – нельзя? А с чем же мы Вареньку замуж выдадим?

Павел Сергеевич. Но вы забываете, мамаша, что при старом режиме меня за приверженность к новому строю могут мучительской смерти предать.

Надежда Петровна. Как же тебя предадут, если у тебя платье?

Павел Сергеевич. Ну, стало быть, при новом режиме за приверженность к старому строю меня могут мучительской смерти предать.

Надежда Петровна. Как же тебя предадут, если ты в партии?

Павел Сергеевич. Мамаша, значит, я при всяком режиме бессмертный человек. Вы представьте себе, мамаша, какой из меня памятник может получиться. Скажем, приедут в Москву иностранцы: «Где у вас лучшее украшение в городе?» – «Вот, скажут, лучшее украшение в городе». – «Уж не Петр ли это Великий?» – «Нет, скажут, поднимай выше, это Павел Гулячкин».

Явление тринадцатое

Павел Сергеевич, Надежда Петровна, Варвара Сергеевна.

Варвара Сергеевна. Маменька! Платье на Настьке сошлось тютелька в тютельку.

Надежда Петровна. Ну что ты говоришь! Где же она?

Варвара Сергеевна. Сейчас выйдет.

Павел Сергеевич. А если бы сейчас настоящая императрица вышла, как с ней здороваться нужно – «здрасте» или «мое почтение»?

Надежда Петровна. Императрицам заместо «здрасте» «ура» говорят.

Варвара Сергеевна. Ну, скоро ты там?

Голос Насти. Иду!

Павел Сергеевич. Ведь вот собственная кухарка, а бо-язно.

Явление четырнадцатое

Павел Сергеевич, Надежда Петровна, Варвара Сергеевна.
Настя в платье императрицы.

Все. Ура, ваше высочество!

Надежда Петровна. Ну, прямо как настоящая, прямо как настоящая. Ура, ваше высочество!

Варвара Сергеевна. У меня от такого роскошества, маменька, даже спазмы в желудке сделались.

Павел Сергеевич. Настенька, голубчик, пройдитеесь по комнате, мы на вас с оборотной стороны поглядим.

Варвара Сергеевна. Ах, Настя, вы даже совершенно безо всякого вкуса ходите. Я, когда в Малом театре английскую королеву видела, то она исключительно только вот таким образом по полу передвигалась. *(Показывает.)*

Павел Сергеевич. Настенька, голубушка, попробуйте вы.

Надежда Петровна. Шлейф-то, шлейф-то у ней по земле волочается.

Павел Сергеевич. Мамаша, позвольте я. *(Несет шлейф.)*

Надежда Петровна. Ну прямо как настоящая, прямо как настоящая.

Павел Сергеевич. Если бы мне за него в довоенное вре-

мя держаться, ох и далеко бы я, маменька, ушел.

Варвара Сергеевна. Павел, посадим ее на трон.

Павел Сергеевич. Садитесь, ваше величество.

Сажают Настю на стул.

Надежда Петровна. Ну прямо как настоящая, прямо как настоящая.

Варвара Сергеевна. Если бы мы, маменька, настоящую на трон посадили, нам бы гастрономический магазин отдали.

Павел Сергеевич. А меня бы первым министром сделали.

Надежда Петровна. Хотя бы околоточным, Павел, потому при своем околоточном торговать очень хорошо, и законно, и выгодно.

Настя. На чем я сижу?

Павел Сергеевич. На троне, ваше величество.

Надежда Петровна. Ну прямо как настоящая. Спасайся, кто может!

Павел Сергеевич. \

Варвара Сергеевна. / Что случилось?

Настя. Барыня, что с вами?

Надежда Петровна. Настька, не шевелись, Христом Богом тебя заклинаю, не шевелись, потому что ты на заряженном пистолете сидишь.

Настя. На пистолете?! Граждане, убивают!

Надежда Петровна. Настька, не ерзай.

Павел Сергеевич. Настя, сидите как вкопанная, пока вы ни себя, ни нас не убили.

Варвара Сергеевна. Если вы его, Настенька, пошевелите, он выстрелит.

Настя. Батюшки, погибаю!

Надежда Петровна. Не двигайся, я тебе говорю.

Павел Сергеевич. Вы, Настя, тем местом, который сидите, не чувствуете, в которую сторону он направлен?

Настя. У меня, Павел Сергеевич, всякое место от страха отмерло.

Павел Сергеевич. Мамаша, я под таким обстрелом существовать не могу, необходимо сейчас же куда-нибудь переехать.

Настя. Что же вы, Павел Сергеевич, так здесь меня одну-одинешеньку на пистолете верхом и оставите?

Надежда Петровна. Настенька, не дрожи, потому что в нем семь зарядов.

Павел Сергеевич. Мамаша, это вы во всем виноваты.

Надежда Петровна. Нет, это Варька, Павлушенька. Посадим ее, говорит, на трон, вот и посадили.

Звонок.

Батюшки, звонят.

Варвара Сергеевна. Наверно, гражданин Сметанич.

Надежда Петровна. Прикройте ее чем-нибудь поскорее. Прикройте ее поскорее, а я пойду. (*Уходит.*)

Павел Сергеевич. Варька, тащи сюда какую-нибудь занавеску или коврик какой-нибудь. Закрывай ее лучше, лучше, говорю, закрывай... (*Набрасывает на Настю ковер.*)

Варвара исчезает.

Явление пятнадцатое

Павел Сергеевич, Надежда Петровна, Сметанич и его сын.

Надежда Петровна. Пожалуйте сюда, Олимп Валерианович, пожалуйста сюда.

Олимп Валерианович. Это что же у вас, Надежда Петровна, приемная?

Надежда Петровна. Приемная, Олимп Валерианович, приемная, а вот мой партийный сын, Павлушенька.

Олимп Валерианович. Ага, значит, вы уже поступили, молодой человек, когда же вы поступили, молодой человек?

Павел Сергеевич. Я, знаете, еще с тысяча девятьсот пятого года... намеревался, имел, так сказать, влечение потому, что, как сказал наш любимый учитель Энгельс.

Валериан Олимпович. Что он сказал?

Павел Сергеевич. Это... ну... одним словом, он очень много сказал, всего не упомнишь.

Олимп Валерианович. Ну а скажите, молодой человек, как же вы в партию записались, по убеждению или...

Надежда Петровна. Он у нас, Олимп Валерианович, по-всякому может, как вам угодно?

Олимп Валерианович. Ну а протеже, молодой человек, у вас имеются?

Павел Сергеевич. Это как-с?

Олимп Валерианович. Протеже... ну как же вам объяснить... это...

Надежда Петровна. Пожалуйте в столовую, Олимп Валерианович.

Олимп Валерианович. Услужливое начальство.

Павел Сергеевич. Услужливое?

Олимп Валерианович. Ну да. То есть такое начальство, которое если у вас отобедает, то об этом при случае обязательно вспомнит.

Надежда Петровна. Он у нас, Олимп Валерианович, с самим Уткиным знаком.

Олимп Валерианович. Это кто же такой – Уткин?

Надежда Петровна. Это один очень знаменитый человек. Можете ли вы себе представить, у него пять родственников в коммунистах.

Павел Сергеевич. Они к нам сегодня прийти обещали, Олимп Валерианович.

Олимп Валерианович. Прийти? Валериан!

Валериан Олимпович. Я, папа.

Олимп Валерианович. Сейчас же прикрепите к своему пиджаку значок Общества друзей воздушного флота, а также постарайтесь своих убеждений здесь не высказывать.

Валериан Олимпович. Значок у меня, папа, есть, а вот убеждений у меня никаких нету. Я анархист.

Олимп Валерианович. Дети нашего круга, Надежда Петровна, всегда говорят лишнее, потому что они говорят

то, что они слышат от своих родителей. Но скажите, Надежда Петровна, зачем вы ковер вместо пола на кресле держите.

Надежда Петровна. Он... он... о... пожалуйста в столовую.

Олимп Валерианович. Что у вас там, Надежда Петровна, столовая?

Надежда Петровна. Столовая и (*увидев входящую Варвару*) моя дочь, Варюшенька! Пожалуйста, Олимп Валерианович.

Надежда Петровна, Олимп Валерианович и Павел Сергеевич уходят.

Явление шестнадцатое

Варвара Сергеевна и Валериан Олимпович.

Валериан Олимпович. Скажите, мадемуазель, вы играете на рояле?

Варвара Сергеевна. Пока еще как-то не приходилось.

Валериан Олимпович*(играет)*. А вы вот обратили внимание, мадемуазель, что сделала советская власть с искусством?

Варвара Сергеевна. Ах, извиняюсь, не заметила.

Валериан Олимпович. Подумайте только, она приравняла свободную профессию к легковым извозчикам.

Варвара Сергеевна. Ах, какая неприятность!

Валериан Олимпович. Я говорю это не в смысле имажинизма, а в смысле квартирной платы.

Настя. Ой, стреляет!

Валериан Олимпович. Что случилось? Кто сказал стреляет?

Варвара Сергеевна. Это... Это... Это я.

Валериан Олимпович. Вы!.. Это, собственно, чем же?

Варвара Сергеевна. Это... Это... у меня в поясище стреляет.

Валериан Олимпович. В поясище! Ну а как вы находите, мадемуазель, теорию относительности Эйзенштейна?

Варвара Сергеевна. Она у нас в кинематографе шла, только Павел сказал, что это не драма, а видовая.

Валериан Олимпович. А вы часто бываете в кинематографе?

Варвара Сергеевна. Как раз напротив, часто бывать неудобно.

Валериан Олимпович. Почему же неудобно?

Варвара Сергеевна. Среди посторонних мужчин, и тем-но.

Валериан Олимпович. Кто сопит?

Варвара Сергеевна. Валериан Олимпович!

Валериан Олимпович. Кто сопит?

Варвара Сергеевна. Я...я... хотела сказать.

Валериан Олимпович. Кто сопит?

Варвара Сергеевна. То есть я... я... я хотела спросить.

Валериан Олимпович. Что спросить? Кто сопит?

Варвара Сергеевна. Господи, о чем же я буду спрашивать? Вы...никогого пенсне не носите?

Валериан Олимпович. Нет, у меня очень здоровые глаза.

Варвара Сергеевна. Какая досада, мужчинам очень к лицу, когда у них пенсне.

Настя громко сопит.

Валериан Олимпович. Опять кто-то сопит.

Варвара Сергеевна. Это... это я.

Валериан Олимпович. Вы?

Варвара Сергеевна. Пойдемте лучше в столовую, Валериан Олимпович.

Валериан Олимпович. А не лучше ли остаться в гостиной, Варвара Сергеевна?

Варвара Сергеевна. Ради бога, идемте в столовую, Валериан Олимпович.

Валериан Олимпович. В таком случае разрешите предложить вам свою руку, мадемуазель.

Варвара Сергеевна. Ах, как это вы сразу, Валериан Олимпович, мне очень стыдно, но я согласна.

Валериан Олимпович. Вы меня не так поняли, Варвара Сергеевна.

Варвара Сергеевна. Ничего подобного, Валериан Олимпович, я вас очень хорошо поняла, но только вы об этом лучше с моей маменькой переговорите. Маменька!

Валериан Олимпович. Вот это называется влип.

Уходят.

Явление семнадцатое

Все в столовой.

Надежда Петровна. Присаживайтесь к столу, Олимп Валерианович, присаживайтесь к столу.

Звонок.

Варвара Сергеевна. Звонок!

Все. Коммунисты?

Надежда Петровна. Варька, убирай со стола кулебяку, а я пойду в дырочку погляжу. (*Уходит.*)

Явление восемнадцатое

Олимп Валерианович, Валериан Олимпович.

Олимп Валерианович. Валериан!

Валериан Олимпович. Я, папа.

Олимп Валерианович. Посмотри на меня. У меня не очень приличный вид?

Валериан Олимпович. Нет, папа, как всегда.

Явление девятнадцатое

Надежда Петровна, Олимп Валерианович, Валериан Олимпович.

Надежда Петровна. Так и есть, коммунисты. Варька, перевертывай «Вечер в Копенгагене». А я «Верую, Господи, верую» переверну.

Варвара Сергеевна. Маменька, у меня от страха все внутренности кверху дном перевертываются.

Надежда Петровна. Угодники, снова звонят. Варвара, скорей убирай бутылки, а я пойду отворю. Ну, будь что будет!

Олимп Валерианович. Стойте, Надежда Петровна, это дело не женское. Вы пока ступайте в те комнаты, а мы их вдвоем с Валерианом встретим.

Надежда Петровна. Ну, храни вас бог, Олимп Валерианович, если что, вы меня позовите. Даст бог, и Павлушенька скоро придет.

Надежда Петровна и Варвара Сергеевна уходят.

Явление двадцатое

Олимп Валерианович, шарманщик, человек с барабаном, женщина с попугаем и бубном.

Олимп Валерианович. Будьте любезны, товарищи, входите, пожалуйста.

Барабанщик. Это и есть коммунисты, которым про родственников заливать?

Шарманщик. Наверное, эти, видишь значок?

Валериан Олимпович. Это и есть коммунисты, которые прийти обещались?

Олимп Валерианович. Видишь, конечно, они. Присаживайтесь, товарищи, пожалуйста, присаживайтесь. Скоро Павел Сергеевич придет.

Шарманщик. Павел Сергеевич... Павлуша он для меня, гражданин хороший, Павлушка.

Пауза.

Олимп Валерианович. Разве, товарищ, вы его давно знаете?

Шарманщик. Как же мне его, гражданин хороший, не знать, когда я у него самый родной дядя.

Пауза.

Степь да степь кругом,
Путь тернист лежит,
В той стране глухой...

Валериан Олимпович. Вы его дядя?

Шарманщик. С самого что ни на есть рождения. Кончишь, бывало, на заводе работу, ну, значит, сейчас к нему. Сидит это, он, значит, у матери на коленях и материнскую грудь сосет. Ну сейчас вот таким манером из пальца рога сделаешь и скажешь: «Любишь ты, Павлушенька, рабочий класс?» Сейчас же сосать перестанет и скажет: «Люблю, говорит, дяденька, ой как люблю» – и даже весь затрясется.

Женщина(*после отыгрыша*). Уж до чего же он сознательный в детстве был, прямо никакого описания не выдумашь.

Олимп Валерианович. А вы его тоже с детства знаете?

Женщина. Как же мне его, голубчика, не знать, когда я ему самая близкая тетка.

Барабанщик. Тетя. Мы все тети и дяди из рабочего класса.

Валериан Олимпович. Пусяки родственники у моей невесты.

Женщина. Бывало, с ним мимо фабрики не пройдешь, так ручками в стенку и вцепится. А это его брат.

Барабанщик. Двоюродный, Митя.

Шарманщик. Братишка.

Олимп Валерианович. Простите, товарищи, я вас на одну минуту оставлю. Валериан!

Валериан Олимпович. Я, папа...

Олимп Валерианович. Меня удивляет, почему Надежда Петровна не сказала, что эти коммунисты – родственники. Надо ее разыскать.

Олимп Валерианович и Валериан Олимпович уходят.

Явление двадцать первое

Те же без Олимпа Валериановича и Валериана Олимповича.

Женщина. Здоровую мы им пушку залили.

Барabanщик. Да, за это теперь и за галстук залить не мешает.

Явление двадцать второе

Те же и Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Здравствуйте, товарищи.

Шарманщик. Здравствуйте, хозяйка.

Надежда Петровна. Хорошо ли, товарищи, побеседовали?

Шарманщик. Побеседовать – первый сорт побеседовали, теперь не мешает и горло промочить.

Надежда Петровна. Я сейчас вам водицы, товарищи, принесу.

Шарманщик. Что водицы! Как водицы! Вы что же над нами, мадам, смеетесь?

Надежда Петровна. Как же я осмелюсь над вами смеяться, товарищи.

Шарманщик. Мадам, вы как уговаривались – так и давайте: сперво-наперво кулебяка, а потом по бутылке на брата.

Надежда Петровна. Что вы, товарищи, у нас отроду никаких кулебяк не бывало, а вина этого проклятого даже в глаза никогда не видала. Слышать слышала, а встречать никогда не встречала.

Шарманщик. Как не встречали?

Явление двадцать третье

Те же и Варвара Сергеевна.

Варвара Сергеевна. Маменька, Тамара Леопольдовна!

Надежда Петровна. Тамара Леопольдовна? Караул, помираю!

Варвара Сергеевна. Господа, идите в ту комнату, идите в ту комнату, господа.

Шарманщик и его компания уходят.

Явление двадцать четвертое

Надежда Петровна, Варвара Сергеевна и Настя.

Надежда Петровна. Настька, сейчас же вставай со стула.

Настя. Убейте меня – не слезу!

Надежда Петровна. Варька, тащи ведро воды.

Варвара Сергеевна убегает.

Явление двадцать пятое

Надежда Петровна и Настя.

Настя. Зачем же воды, барыня?

Надежда Петровна. Мы сейчас под тобой порох подмачивать будем, говорят, что подмоченные пистолеты безвредные... Тащи сюда скорей.

Явление двадцать шестое

Надежда Петровна, Настя и Варвара Сергеевна с ведрами.

Надежда Петровна. Выливай под Настьку.

Настя. Барыня, я захлебнусь.

Надежда Петровна. Лезь в сундук!

Настя. Как в сундук?

Надежда Петровна. Лезь, тебе говорят.

Настя. Барыня, я вся отсырела.

Надежда Петровна. Там высохнешь. (*Сажает ее в сундук.*) Варвара, запирай сундук, а я пойду отпереть Тамаре Леопольдовне.

Явление двадцать седьмое

Надежда Петровна и Тамара Леопольдовна.

Тамара Леопольдовна. Я так волновалась, я так волновалась. Скажите, с ним никакого несчастья не вышло?

Надежда Петровна. Целехонько, Тамара Леопольдовна, целехонько.

Тамара Леопольдовна. Ах, покажите, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Неужели вы мне не верите, Тамара Леопольдовна?

Тамара Леопольдовна. Ах, я волнуюсь, Надежда Петровна.

Надежда Петровна. Здесь очень много посторонних, Тамара Леопольдовна, но вот кончик высовывается, посмотрите.

Тамара Леопольдовна. Ах, счастье какое. Уж я так волновалась, уж я так волновалась.

Явление двадцать восьмое

Надежда Петровна, Тамара Леопольдовна, Варвара Сергеевна, Иван Иванович.

Иван Иванович. Милиция, милиция!

Надежда Петровна. Вы зачем это, Иван Иваныч, в столовой выражаетесь, здесь люди кушают, а вы выражаетесь.

Иван Иванович. Ваши интонации все равно не помогут. Сейчас сюда милиция придет.

Тамара Леопольдовна. Караул, милиция!

Все, кроме Тамары Леопольдовны, убежали, появляется Валериан Олимпович.

Явление двадцать девятое

Тамара Леопольдовна, Валериан Олимпович.

Валериан Олимпович. Что случилось?

Тамара Леопольдовна. Молодой человек, вы в Бога верите?

Валериан Олимпович. Дома верю, на службе нет.

Тамара Леопольдовна. Спасите женщину. Унесите этот сундук.

Валериан Олимпович. Этот сундук? А что в нем такое?

Тамара Леопольдовна. Молодой человек, я вам открываю государственную тайну. В этом сундуке помещается все, что в России от России осталось.

Валериан Олимпович. Ну, значит, не очень тяжелый.

Тамара Леопольдовна. Я умоляю вас, спасите, или все пропало.

Валериан Олимпович. Хорошо, я попробую.

Тамара Леопольдовна. Только бы до извозчика донести.

Тамара Леопольдовна и Валериан Олимпович уносят сундук.

Явление тридцатое

Барабанщик, шарманщик, женщина с попугаем и бубном,
Надежда Петровна, Варвара Сергеевна,
Иван Иванович, Олимп Валерианович.

Барабанщик. Кто говорит милиция?

Шарманщик. Что милиция?

Женщина. Какая милиция?

Иван Иванович. Что, Надежда Петровна, испугались? Вы думаете, в советской республике никакого закона нету... Есть, Надежда Петровна, есть. Ни в одном государстве живого человека в молочной лапше потопить не позволят. Вы думаете, Надежда Петровна, если вы вдвоем с граммофоном молитесь, то на вас и управы нет. Нынче за контрреволюцию и граммофон осудить можно.

Олимп Валерианович. Вы насчет контрреволюции потише, товарищ, у нее сын коммунист.

Иван Иванович. Коммунист?! Пусть же он в милиции на кресте присягнет, что он коммунист.

Олимп Валерианович. Что это значит, Надежда Петровна?

Надежда Петровна. Он, кажется, еще не записался, но он запишется.

Олимп Валерианович. Не записался? Значит, вы меня

обманули, Надежда Петровна. Провокаторша вы. Надежда Петровна.

Иван Иванович. Именно провокаторша.

Олимп Валерианович. Где у вас приданое, Надежда Петровна?

Шарманщик. Где у вас кулебяка, Надежда Петровна?

Женщина. Обманщица вы, Надежда Петровна.

Барабанщик. Жульница вы. Надежда Петровна.

Иван Иванович. Домовладелица вы, Надежда Петровна.

Варвара Сергеевна. Маменька, мы его выживаем. Играйте, играйте сильнее. Танцуйте же, господа.

Явление тридцать первое

Те же и Павел Сергеевич.

Павел Сергеевич. Силянс! Я человек партийный!

Иван Иванович. Теперь я этого, Павел Сергеевич, не испугаюсь.

Павел Сергеевич. Не испугаешься? А если я с самим Луначарским на брудершафт пил, что тогда?

Иван Иванович. Какой же вы, Павел Сергеевич, коммунист, если у вас даже бумаг нету. Без бумаг коммунисты не бывают.

Павел Сергеевич. Тебе бумажка нужна? Бумажка?

Иван Иванович. Нету ее у вас, Павел Сергеевич, нету!

Павел Сергеевич. Нету?

Иван Иванович. Нету!

Павел Сергеевич. А мандата не хочешь?

Иван Иванович. Нету у вас мандата.

Павел Сергеевич. Нету? А это что?

Иван Иванович(*читает*). «Мандат».

Все разбегаются, кроме семьи Гулячкиных.

Павел Сергеевич. Мамаша, держите меня, или всю Россию я с этой бумажкой перерестую.

Явление тридцать второе

Надежда Петровна, Павел Сергеевич, Варвара Сергеевна.

Надежда Петровна. Батюшки, сундук утащили!

Павел Сергеевич. Сундук?

Надежда Петровна. А в сундуке, Павлушенька, платье.

Варвара Сергеевна. А в платье, маменька, Настька.

Павел Сергеевич. Зачем же вам, маменька, платье, если у меня мандат?

Надежда Петровна. Неужто у тебя, Павел, и взаправду мандат?

Павел Сергеевич. Прочтите, мамаша, тогда узнаете.

Надежда Петровна*(читает)*. «Мандат»...

Павел Сергеевич. Читайте, мамаша, читайте.

Надежда Петровна*(читает)*. «Дано сие Павлу Сергеевичу Гулячкину в том, что он действительно проживает в Кирочном тупике, дом № 13, кв. 6, что подписью и печатью удостоверяется».

Павел Сергеевич. Читайте, мамаша, дальше.

Надежда Петровна. «Председатель домового комитета Павел Сергеевич Гулячкин».

Павел Сергеевич. Копия сего послана товарищу Сталину.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в квартире Сметанича.

Явление первое

Автоном Сигизмундович и его слуга Агафангел, Олимп Валерианович, его младший сын Анатолий.

Валериан Олипович и извозчик вносят сундук.

Валериан Олипович. Осторожнее, осторожнее. Опускайте его, опускайте. Так, благодарю вас.

Извозчик уходит.

Валериан Олипович. Папа, простите меня, но я спас Россию.

Олимп Валерианович. Как – спас Россию?

Автоном Сигизмундович. Это еще что за новости?

Валериан Олипович. Государственная тайна.

Автоном Сигизмундович. Государственная? В чем же она заключается?

Валериан Олипович. В сундуке, дядюшка.

Автоном Сигизмундович. В сундуке? Что же в нем такое?

Валериан Олипович. В этом простом сундуке помещается все, что от России в России осталось.

Автоном Сигизмундович. Что же от нее, Валериан, осталось? Вчера оставались «Русские ведомости», а сегодня

всего одна дырка осталась.

Анатолий. Так и есть дырка.

Автоном Сигизмундович. Где дырка?

Анатолий. Я не знаю, только из него течет.

Валериан Олимпович. Течет? И в самом деле течет.

Автоном Сигизмундович. Ну, значит, там или животное какое-нибудь, или человек.

Валериан Олимпович. Дядюшка, какое же это животное или человек от России остались?

Автоном Сигизмундович. Какое животное или человек? Вот я, например...

Валериан Олимпович. А еще?

Автоном Сигизмундович. А еще? А вдруг там действительно какой-нибудь человек. Простите, вы человек?

Настя(из сундука). Нет, я женщина.

Все. Женщина?!

Валериан Олимпович. Дядюшка, какая же это женщина могла остаться от России?

Все. Женщина!

Автоном Сигизмундович. Рассказывал как-то знаковый полковник, что будто бы встретил в Крыму на пляже одну из великих княжон.

Валериан Олимпович. Какую же, дядюшка?

Автоном Сигизмундович. Анастасию, Валериан, Николаевну. Только мне что-то не верится. Полковник от рода был близорук, однажды сам себя принял за генерала.

Валериан Олимпович. Все-таки, дядюшка, надо узнать. Послушайте, не сочтите меня назойливым: как вас зовут?

Настя. Настя.

Валериан Олимпович. Как?

Настя. Анастасия.

Все. Она! Она! Она!

Автоном Сигизмундович. Боже мой, она! Господа, что же мы будем делать?

Валериан Олимпович. Может быть, это другая. Я сейчас ей задам вопрос.

Автоном Сигизмундович. Задам! А если это она, как же можно великой княжне задавать, этого даже по уставу не полагается.

Валериан Олимпович. Я задам ей такой вопрос, как будто бы я ничего не знаю. Сударыня, совсем между прочим, как ваше отчество?

Настя. Николаевна!

Автоном Сигизмундович. Агафангел!

Агафангел. Здесь, ваше превосходительство!

Автоном Сигизмундович. Держи меня!

Олимп Валерианович. Господа, необходимо устроить встречу.

Валериан Олимпович убегает.

Явление второе

Те же, возвращается Валериан Олимпович с французской булкой и солью.

Автоном Сигизмундович. Это ты для чего?

Валериан Олимпович. Это, дядюшка, хлеб с солью для встречи. Господа, какая минута. Подумать только, что сейчас перед нами предстанет вся наша будущность.

Анатолий. Дядюшка, открывайте скорей, а то она вся вытечет.

Автоном Сигизмундович. Готовы ли вы, господа?

Все. Готовы.

Автоном Сигизмундович. Агафангел, встань шпалерой! Смирно! *(Открывает.)*

Валериан Олимпович. Дядюшка, вы знаете, что вы открываете?

Автоном Сигизмундович. Ну?

Валериан Олимпович. Новую страницу истории.

Все. Открываем!

Настя*(вылезает)*. Где же это я?

Автоном Сигизмундович. У верноподданных слуг вашего высочества, ваше высочество.

Настя. Вы, господа, ошибаетесь.

Автоном Сигизмундович. Готов присягнуть, ваше вы-

сочество.

Настя. Ах, что вы!

Олимп Валерианович. Поверьте, ваше высочество, если бы мы знали, ваше высочество, что вы находились все время в Москве...

Настя. Ах, даже как раз напротив, я только недавно приехала.

Олимп Валерианович. Одни, ваше высочество?

Настя. Вы, сударь, все время изволите ошибаться.

Олимп Валерианович. Простите, ваше высочество. С кем же?

Настя. Вот чудак – с дядей.

Автоном Сигизмундович. Как! Значит, великий князь Михаил Александрович тоже изволили прибыть в Москву. Ура!

Все. Ура!!!

Настя. Ой!

Олимп Валерианович. Ваше высочество, что с вами?

Настя. Мне кажется, я вся отсырела.

Олимп Валерианович. Необходимо сейчас же ее раздеть, иначе она простудится.

Валериан Олимпович. Папа, позвольте мне.

Автоном Сигизмундович. Как тебе не стыдно. Валериан, говорить о таких вещах. Ты, Валериан, не маленький.

Анатолий. В таком случае позвольте мне, дядя, я маленький.

Автоном Сигизмундович. Анатолий, оставь свои неприличия. Этим займусь я. Не забудьте – здесь дело идет о спасении России.

Валериан Олимпович. Но, позвольте, Россию спасал я, отчего же раздевать ее будут другие.

Олимп Валерианович. Господа, отнесемте ее высочество в постель.

Все, кроме Олимпа Валериановича, поднимают Настю.

Подумать только, что раньше таких людей вся Россия переносила, а теперь только пять человек переносят.

Уносят.

Явление третье

Автоном Сигизмундович, Олимп Валерианович, Валериан Олимпович.

Автоном Сигизмундович. Тсс! Ее высочество спит.

Олимп Валерианович. Господа, пока ее высочество спит, давайте все вместе выясним, что мы намерены делать дальше.

Валериан Олимпович. Папа, по-моему, нам нужно ходить на цыпочках.

Олимп Валерианович. А по-моему, ты должен сегодня же жениться на Варваре Сергеевне. Теперь нам каждую минуту может понадобиться собственный коммунист.

Явление четвертое

Иван Иванович, потом Настя.

Иван Иванович. Как жаль, что я не кончил никакого университета. В разговоре с таким человеком, как Олимп Валерианович, это очень пригодилось бы. Кто-то идет.

Входит Настя, закутанная в простыню.

Ах, какой пейзаж!

Настя. Куда же девалось платье?

Иван Иванович. В одной простыне, как нимфа. Что же мне, собственно, делать?

Настя. Ах, не смотрите!

Иван Иванович. Сударыня, не считайте меня за нахала, что вы не одеты.

Настя. Скажите пожалуйста, я думала, что это мужчина какой-нибудь, а это, Иван Иванович, вы?!

Иван Иванович. Анастасия Николаевна! Как вы сюда попали?

Настя. Между прочим, я даже не знаю, где я.

Иван Иванович. Как же вы, Анастасия Николаевна, не знаете, где вы, когда вы здесь, как свой человек, голая ходите?

Настя. А чем же я, Иван Иванович, виновата, когда мое платье как в воду кануло.

Иван Иванович. Как в воду кануло?

Настя. Вы, конечно, мне можете не поверить, но я утопленница.

Иван Иванович. Утопленница? Где вы утонули?

Настя. На стуле.

Иван Иванович. Если вы меня, Анастасия Николаевна, за дурака считаете, то вы меня этим удивить не можете.

Настя. Я, можно сказать, Иван Иваныч, в бедственном положении, а вы мне подобную недоверчивость выражаете.

Иван Иванович. Простите меня, Анастасия Николаевна, но каким манером вы сюда попали?

Настя. В сундуке.

Иван Иванович. Ничего не понимаю. Вы мне лучше, Анастасия Николаевна, расскажите все по порядку.

Настя. Вот вам, Иван Иванович, по самому по порядку. Сначала меня нарядили в очень роскошное платье, потом меня намочили, потом посадили в сундук и притащили сюда.

Иван Иванович. Ничего не понимаю. Ну а здесь что же с вами, скажите, сделали?

Настя. Раздели и положили в постель.

Иван Иванович. Теперь мне, Анастасия Николаевна, все понятно. Вы вступили на путь разврата.

Настя. Ну что вы говорите!

Иван Иванович. Ей-богу!

Настя. Скажите какая неприятность!

Иван Иванович. Так и знайте, Анастасия Николаевна, что ваша Надежда Петровна поставщица живого товара.

Настя. Я этому даже никогда не поверю.

Иван Иванович. А зачем же ей, спрашивается, целомудренных девственниц в сундуки упаковывать и к посторонним мужчинам переправлять?

Настя. Что же они со мной, Иван Иванович, сделают?

Иван Иванович. Не иначе как вас Олимп Валерианович хочет сделать своей фавориткой.

Настя. Чем?

Иван Иванович. Фавориткой.

Настя. Это кто же такая будет?

Иван Иванович. Фаворитка, Анастасия Николаевна, это кухарка для наслаждений.

Настя. Мамочки мои! До какого позорного состояния хотят незамужнюю женщину довести! А может быть, он, Иван Иванович, как в «Кровавой королеве-страдалице».

Иван Иванович. Что в «Кровавой королеве-страдалице»?

Настя. Там рассказывается, как один очень интеллигентный милорд похищает неизвестную барышню от низкой ступени класса и женится на ней в католической церкви по причине горячей любви.

Иван Иванович. В коммунистическом государстве, Анастасия Николаевна, любви нету, а исключительно только од-

на проблема пола. И зачем же такой человек, как Олимп Валерианович, будет на вас жениться, когда у него от денег отбою нету. И я тоже хорош, думал – Олимп Валерианович Павла Сергеевича на паразитические элементы разложит, а получается так, что это одна шайка.

Настя. Как же я теперь, Иван Иванович, буду?

Иван Иванович. Как же вам быть, Анастасия Николаевна, вы женщина падшая.

Настя. Иван Иваныч, вы человек образованный, пособи-те.

Иван Иванович(*встает на колени и целует Насте руку*). Не тебе поклоняюсь, а страданию твоему. Прощайте, Анастасия Николаевна, я побежал.

Настя. Иван Иваныч, и я с вами.

Иван Иванович. Как же вы, Анастасия Николаевна, в таком виде пойдете? Любой гражданин может любому милиционеру пожаловаться, что вы из общественной улицы какую-то семейную баню устраиваете.

Настя. Иван Иваныч, не отвергайте мольбы. Оставайтесь со мной здесь.

Иван Иванович. Здесь? Да что вы, Анастасия Николаевна! Если Олимп Валерианович нас в подобной интимной обстановке застанет, он меня вместо подъемной машины с лестницы может спустить. (*Заслышав шаги.*) Засыпался. (*Прячется.*)

Явление пятое

Агафангел с платьем, Олимп Валерианович, Автоном Сигизмундович, Валериан Олимпович, Настя и Иван Иванович.

Агафангел. Платье просохло.

Автоном Сигизмундович. Ты уверен, платье просохло?

Агафангел. Просохло, ваше превосходительство, просохло.

Олимп Валерианович. Просохло, Автоном, просохло.

Настя. Не входите сюда, здесь голая барышня.

Олимп Валерианович. Виноват. Изволили встать, ваше высочество? Разрешите одеть вас, ваше высочество?

Иван Иванович. Так и есть, фавориткой сделали.

Настя. Сейчас начнется проблема.

Автоном Сигизмундович. Не угодно ли вымыться, ваше высочество? Вот тазик.

Иван Иванович. Тазик? Кончено. Начинается.

Настя. Вы лучше убейте меня, а я на позор не пойду.

Олимп Валерианович. Помилуйте, ваше высочество, если вам показалось, ваше высочество, то поверьте, ваше высочество, что это невольно, ваше высочество.

Настя. Вы меня на такие интонации не поймаете, я здесь все равно не останусь.

Олимп Валерианович. Неужели вы сомневаетесь, ваше высочество, в пламенной привязанности и любви истинно русского человека?

Настя. Любви? Ах, неправда.

Олимп Валерианович. Клянусь вам, ваше высочество!

Валериан Олимпович. Оставайтесь у нас, ваше высочество.

Настя. А вдруг кто-нибудь догадается, на каком я здесь положении, ах нет, я лучше уеду.

Валериан Олимпович. Мы вас умоляем, ваше высочество, оставайтесь у нас, перемените фамилию, и я ручаюсь вам, ваше высочество.

Настя. Вы это трепетесь или взаправду?

Валериан Олимпович. Клянусь вам, ваше высочество.

Настя. Что я вам говорила, Иван Иванович, точь-в-точь как в «Кровавой королеве-страдалице». Милый мой, я согласна. Позвольте мне мой туалет.

Агафангел. Пожалуйста платье, ваше высочество.

Настя. Сейчас я буду готова. (*Уходит.*)

Явление шестое

Те же и Анатолий.

Анатолий. Папа, кареты подъехали.

Олимп Валерианович. Какие кареты?

Анатолий. В которых Валериан будет жениться на Варваре Сергеевне.

Олимп Валерианович. Как – на Варваре Сергеевне?

Автоном Сигизмундович. Боже мой! Они, наверное, скоро приедут.

Олимп Валерианович. Как же нам быть, Валериан? А?

Валериан Олимпович. Папочка, я не знаю, у меня кружится...

Олимп Валерианович. Ты, Автоном, пожалуйста, эдак как-нибудь дипломатичнее предупреди их, что свадьбы не будет.

Автоном Сигизмундович. Дипломатичнее? *(Смеется.)* Постараюсь, Олимп, постараюсь. Но подумай, Олимп, какое невероятное происшествие: эта женщина в данный момент олицетворяет собой всю Россию, а он на ней женится.

Олимп Валерианович. Да, Автоном, он, если можно так выразиться, стал супругом всея Руси. Какая ответственность?!

Автоном Сигизмундович. А какое приданое? Что с то-

бой?

Валериан Олимпович. Дядюшка, у меня кружится...

Явление седьмое

Те же и Настя.

Настя. Вот я, господа, и оделася и обулася.

Олимп Валерианович. Ваше высочество, кареты уже
ГОТОВЫ.

Настя. Едемте, едемте.

Настя, Олимп Валерианович и Валериан Олимпович уходят.

Явление восьмое

Автоном Сигизмундович, Агафангел.

Автоном Сигизмундович. Уж не занялся ли ты, Агафангел, политикой?

Агафангел. Зачем же мне, ваше превосходительство, политика, если я на всем готовом живу.

Автоном Сигизмундович. Что это у тебя?

Агафангел. «Всемирная иллюстрация», ваше превосходительство, со снимками.

Автоном Сигизмундович. А ну, покажи! Какая была печать! Опять же и мысли, и твердый знак. А почему? Люди были великие. Ну вот, скажем, к примеру, Сытин. Печатал газету «Русское слово», и как печатал. Трехэтажный дом для газеты построил и во всех этажах печатал. Зато, бывало, как мимо проедешь, сейчас же подумаешь: «Вот оно – оплот Российской империи, трехэтажное „Русское слово“. Его величество государь император. Смирно! Где ты его достал?

Агафангел. В уборной, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. А там еще никого не было?

Агафангел. Был, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Кто?

Агафангел. Бельгийский король Альберт среди своего народа, в красках, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Где же он?

Агафангел. Виноват, ваше превосходительство. Недосмотрел и использовал, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Истинно, можно сказать, король-страдалец. (*Смотрит картинки.*) Верховный главнокомандующий Николай Николаевич под ураганным огнем неприятеля пробует щи из котла простого солдата. Где теперь такие герои? Подумать только, какой пример. Каждую минуту мог умереть, но не дрогнул и пробовал щи под огнем неприятеля. Что ты на это? А?

Агафангел. Так точно, мог умереть, ваше превосходительство, потому как солдатские щи хуже всякой отравы, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Агафангел, клей!

Явление девятое

Автоном Сигизмундович, Агафангел с клеем, Анатолий.

Автоном Сигизмундович. Анатолий!

Анатолий. Я, дядюшка.

Автоном Сигизмундович. Сейчас мы с тобой вот эту картину на толстый картон наклеим.

Анатолий. Это, дядя, папа той женщины, которая была в сундуке?

Автоном Сигизмундович. Да, Анатолий, самодержец России.

Анатолий. Дядюшка, я самодержца уже помазал, на что же его наклеивать?

Автоном Сигизмундович. Агафангел! Пойди отыщи картон.

Агафангел уходит.

Явление десятое

Автоном Сигизмундович и Анатолий.

Анатолий. Куда же мне его положить, дядюшка?

Автоном Сигизмундович. Пока положи на стул.

Анатолий кладет портрет Николая на стул кверху клеем.

Явление одиннадцатое

Те же, Надежда Петровна с граммофоном, Варвара Сергеевна в подвенечном платье,
Павел Сергеевич с портфелем.

Надежда Петровна. Вот мы к вам, слава богу, и переехали, Автоном Сигизмундович.

Автоном Сигизмундович. Вот незадача. Как же мне им всего дипломатичнее отказать.

Надежда Петровна. Автоном Сигизмундович, вот мои дети.

Автоном Сигизмундович. Мне вас искренно жаль, Надежда Петровна, я в этом, ей-богу, не виноват.

Надежда Петровна. А где же жених, Автоном Сигизмундович?

Варвара Сергеевна. Мамаша, не говорите такие слова, мне совестно.

Автоном Сигизмундович. Я с вами солидарен, сударыня, лучше об этом не говорить.

Анатолий. Если вы про моего брата говорите, то он с папой поехал венчаться.

Надежда Петровна. Святители! Мы здесь о всякой ерунде разговариваем, а они нас давно в церкви дожидаются. Павел! Напудри Варваре нос. Едемте, Автоном Сигизмундо-

вич, едемте.

Автоном Сигизмундович. Видите ли, Надежда Петровна, я вам должен сказать... Как же всего дипломатичнее – сказать... свадьбы... не будет.

Павел Сергеевич. Как – не будет?

Автоном Сигизмундович. Совсем не будет.

Варвара Сергеевна. Мне кажется, маменька, меня опозорили.

Надежда Петровна. Как это, то есть совсем? Почему не будет?

Автоном Сигизмундович. Это я вам сказать не могу.

Надежда Петровна. Господи, что же это такое делается. Опозорили нас, так и есть – опозорили. Чем же мы, господин Автоном Сигизмундович, Валериану Олимповичу не потрафили? Кажется, дочь у меня барышня кругленькая и ничем осрамиться не может. А если ему думается, что Варюшенька носом не вышла, то она и без носа для супружеской жизни очень приятная.

Автоном Сигизмундович. Причину нужно искать не в носу, Надежда Петровна, а гораздо глубже.

Варвара Сергеевна. У меня, Автоном Сигизмундович, и глубже...

Автоном Сигизмундович. Верю, верю. Но поймите, Варвара Сергеевна, дело совсем не в вас.

Надежда Петровна. А в ком же, Автоном Сигизмундович, в ком? Если во мне, Автоном Сигизмундович, то я что

– мать, чепуха, гадость, Автоном Сигизмундович.

Автоном Сигизмундович. Я с вами вполне согласен, Надежда Петровна, но только...

Надежда Петровна. Я бы па месте Валериана Олимовича просто бы на меня наплюнула.

Автоном Сигизмундович. Вы совершенно правы, Надежда Петровна, но только причина совсем иная.

Надежда Петровна. Какая же причина, Автоном Сигизмундович?

Автоном Сигизмундович. Это, Надежда Петровна, тайна, и я вам ее объяснить не могу.

Надежда Петровна. Не можете! Павлушенька, ты человек отпетый, поразговаривай с ним, пожалуйста.

Павел Сергеевич. Это вы что же, молодой человек, все наше семейство в полном ансамбле за нос водили! Почему это свадьбы не будет?

Автоном Сигизмундович. Вы со мной разговаривать так не смеее.

Павел Сергеевич. Не смею? А если я с третьим интернационалом на «ты» разговариваю, что тогда?

Автоном Сигизмундович. Пропал. Сейчас арестует.

Павел Сергеевич. Да вы знаете ли, что я во время октябрьской революции в подполье работал, а вы говорите – не смеее.

Автоном Сигизмундович. Кончено, расстреляет.

Павел Сергеевич. Я, может быть, председатель... домо-

вого комитета. Вождь!

Автоном Сигизмундович. Простите, товарищи, но я...

Павел Сергеевич. Силянс! Я человек партийный! (*От страха садится на стул.*)

Явление двенадцатое

Те же, Степан Степанович и Фелицата Гордеевна с цветами.

Фелицата Гордеевна. Христос воскрес, Автоном Сигизмундович. Не обращайтесь внимания на то, что я вас целую, потому что у меня на душе, как на Пасху.

Степан Степанович. Простите, что я не справляюсь о вашем здоровье, но интерес отечества прежде всего.

Явление тринадцатое

Те же и Ильинкин с женой.

Ильинкин. Господа, я вас умоляю, что Михаил Александрович это не утка?

Фелицата Гордеевна. Послушайте, как же можно так неприлично спрашивать.

Явление четырнадцатое

Те же и Зотик Францевич Зархин, Ариадна Павлиновна Зархина, барышни Зархины – Тося и Сюся.

Ариадна Павлиновна. Подумайте, какие эти большевики самонадеянные, сейчас я с мужем иду по улице, а милиционер стоит на углу и делает вид, как будто бы ничего не случилось.

Явление пятнадцатое

Те же и Наркис Смарагдович Крантик.

Наркис Смарагдович. Скажите, что, тринадцать на восемнадцать будет изящно?

Зотик Францевич. Какие тринадцать на восемнадцать?

Наркис Смарагдович. Видите, я думал запечатлеть.

Степан Степанович. Что запечатлеть?

Наркис Смарагдович. Ренессанс.

Ильинкин. Какой ренессанс?

Наркис Смарагдович. Возрождение... нашей много-страдальной родины. А так как это событие должно взволновать всю Россию, я и выбрал кабинетный размер тринадцать на восемнадцать. Узнав, что их императорское высочество находится здесь...

Павел Сергеевич. Как высочество? Как здесь?

Наркис Смарагдович. Спокойно, снимаю.

Автоном Сигизмундович. Держите его! Держите! Ага-фангел!

Явление шестнадцатое

Те же и Агафангел.

Агафангел. Я здесь, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Занимай все выходы. *(Встает у двери с револьвером.)*

Голоса. Что случилось?

– В чем дело?

– Что такое?

Автоном Сигизмундович. Господа, нас подслушали!

Ариадна Павлиновна. Кто подслушал?

Автоном Сигизмундович. Вот коммунисты.

Все. Коммунисты?!

Фелицата Гордеевна. Спасайся, кто может!

Все устремляются к выходу.

Агафангел. Стой, застрелю, всех застрелю.

Степан Степанович. Караул! Нас окружили.

Наркис Смарагдович. По-моему, этих коммунистов не более одного человека.

Надежда Петровна. Господа хорошие, не губите православного человека. Автоном Сигизмундович, он только с одной стороны коммунист, а с другой с...

Павел Сергеевич. А с другой я даже совсем ничего подобного. *(Встает и кланяется. К заду его приклеился портрет Николая.)*

Зотик Францевич. Необходимо выяснить его настоящее лицо.

Тося Зархина. Папочка, у него их два.

Зотик Францевич. Как – два?

Тося Зархина. Мне, папочка, право, очень неловко, но только у него какое-то лицо сзади.

Все. Где?

Тося Зархина. Вот.

Автоном Сигизмундович. Ну-ка, нагнитесь, молодой человек. Боже мой! Смирно!

Павел Сергеевич. Маменька, чье у меня лицо, мое?

Автоном Сигизмундович. Нет, наше.

Анатолий. Милостивые государи, они приближаются, они приближаются.

Агафангел. Ваше превосходительство, – едут.

Все. Приближаются, приближаются.

– Становитесь, господа, становитесь.

– Тише, идут.

Явление семнадцатое

Те же, Настя, Олимп Валерианович, Валериан Олимпович.

Автоном Сигизмундович. Музыка, туш! Ура! Ура! Ура!

Все. Урррра!!!

Настя. Вот это свадьба, я понимаю.

Все. Уррра!

Когда «ура» замолкает, слышен чей-то протяжный стон.

Голоса. Вы слышали?

– Что это такое?

– Что это такое?

Олимп Валерианович. Господа, господа, возможно, что это ликует народ!

Ариадна Павлиновна. Неужели народ узнал?

Олимп Валерианович. Конечно, узнал. Зачем бы он стал кричать «ура»?

Зотик Францевич. А вы уверены, что это было «ура»?

Олимп Валерианович. Я ясно слышал.

Степан Степанович. Значит, народ с нами. Ура!

Все. Ура!

Олимп Валерианович. Теперь слушайте.

Голос Ивана Ивановича. Караул!

Зотик Францевич. Вы слышали?

Автоном Сигизмундович. Нет, а вы?

Зотик Францевич. Тоже нет.

Степан Степанович. Попробуем еще раз.

Все. Уррра-а-а!

Олимп Валерианович. Слушайте.

Автоном Сигизмундович. Народ безмолвствует.

Настя. Не дай бог опять закричит.

Павел Сергеевич. Женщины и мужчины и даже дети, обратите внимание, какой перед вами ужасный герой! Женщины и мужчины и даже дети, эта дамочка метит на русский престол, но она взойдет на него только через мой отрешенный от жизни труп. Я заявляю вам это совершенно официально.

Степан Степанович. Что он говорит? Он сумасшедший! Ваше высочество, он сумасшедший.

Павел Сергеевич. Товарищи! За что мы боролись, за что мы падали жертвами на красных полях сражений, мы – рабочие от сохи и председатели домового комитета. Женщины и мужчины и даже дети, я отказываюсь, я совершенно героически отказываюсь присягать этому строю генералов, попов и помещиков.

Ильинкина. Не давайте ему говорить. Заставьте его молчать.

Павел Сергеевич. Товарищи! Нас никто не может заста-

вить молчать об этом. Мы всегда, как один человек, только и будем, что говорить о генералах, попах и помещиках, потому что в этом наша идея, наша святая идея фикс. Женщины и мужчины и даже дети, вам не удастся задушить революцию, пока существуем мы... Я и моя мамаша. Вы не думайте, что я только ее не боюсь. Ничего подобного. Давайте поедемте в Англию, я и английской королевы не испугаюсь. Я самому царю могу прочитывать нотацию. Вы думаете, если они далеко, так они упасутся от этого. Я, товарищи, расстоянием не стесняюсь. Я сейчас всем царям скажу, всем – английскому, итальянскому, турецкому и французскому. Цари, – мамаша, что сейчас будет, – цари... вы мерзавцы!

Голоса. Арестуйте его!

– Арестуйте!

Ильинкин. Господа, это заговор, его необходимо арестовать.

Настя. Не трожьте его, он выпивши.

Павел Сергеевич. Выпивши? Кто выпивши? Я выпивши? Я могу на любого человека дыхнуть, я безо всякого запаха. В том-то и дело, товарищи, что я совершенно трезвый. В том-то и дело, что я трезвый на это способен. И я прошу зафиксировать эти слова, которые я буду сейчас говорить, потому что за эти слова я могу получить повышение в жизни. Ваше императорское высочество! Вы... сукина дочь.

Все. А-а-а-а-ах!!!

Настя. От такого же слышу.

Автоном Сигизмундович. Солдаты!

Агафангел. Я здесь, ваше превосходительство.

Автоном Сигизмундович. Возьмите его! Хватайте его!

Вяжите!

Павел Сергеевич. Многоуважаемые товарищи, это наша кухарка!

Автоном Сигизмундович. Молчать!

Павел Сергеевич. Честное слово, кухарка. Она мне носки стирала и даже котлеты жарила. Ей-богу!

Олимп Валерианович. Нет никакого сомнения. Он сумасшедший.

Надежда Петровна. Господа вы мои хорошие, вот перед Богом, жарила. Настыка, паскуда, отвечай барыне: жарила или нет?

Настя. Определенно.

Надежда Петровна. Вы слышите, слышите, господа хорошие? Созналась, вот как перед Богом, созналась.

Олимп Валерианович. Ваше высочество...

Надежда Петровна. Какая она ваше высочество, она Пупкина. У меня даже пачпорт ее имеется. Пупкина, Анастасия Николаевна Пупкина.

Олимп Валерианович. Как – Пупкина?

Надежда Петровна. Так, Пупкина, из Поветкина, Тульской губернии.

Олимп Валерианович. Ваше императорское высочество! Как это – Пупкина?

Настя. Очень обыкновенно.

Валериан Олимпович. Пупкина?

Настя. Пупкина.

Олимп Валерианович. А дядя?

Настя. Что – дядя?

Олимп Валерианович. Есть у вас дядя?

Настя. Есть.

Олимп Валерианович. Князь?

Настя. Что мы, татары, что ли?

Олимп Валерианович. Кто же он?

Настя. Псаломщик.

Олимп Валерианович. Господа, я чувствую, что я опять поднимаюсь, на воздух.

Зотик Францевич. Все, все погибло.

Наркис Смарагдович. Ренессанс кончился.

Олимп Валерианович. Значит, опять ничего нет – ни ее, ни меня, ни вас?

Павел Сергеевич. Товарищи, это действительно, что ничего нет. Но слова-то мои остались, героизм-то мой, товарищи, остался. Ведь то, что я российскую престолонаследницу сукиной дочкой назвал, ведь этого вычеркнуть невозможно. Вы понимаете ли, до какого я апогея могу теперь дойти? Ведь за эти слова меня, может быть, в Кремль без доклада будут пускать. Ведь за эти слова санатории имени Павла Гулячкина выстроят. Вы думаете, товарищи, что если у меня гастрономический магазин отняли и вывеску сняли, то меня

уничтожили этим? Нет, товарищи, я теперь новую вывеску вывешу и буду под ней торговать всем, что есть дорогого на свете. Всем торговать буду, всем!

Ильинкин. Товарищ Гулячкин, не погубите. Это он во всем виноват. Он.

Павел Сергеевич. Что, голубчики, испугались? Вы думаете, что если у меня вместо зада какую-то картинную галерею устроили, то я вам за это спасибо скажу? Вы думаете, что если вы человеку лицо наизнанку вывернули, то я молчать буду? Нет, голубчики, нет. Всех уничтожу. Всех!

Степан Степанович. Не губите. Помилуйте! Ни за что погибаем.

Павел Сергеевич. Силянс! Да вы знаете ли, на что я способен? Я когда до идеи дойду, я на все способен. Я в приданое ради идеи пошел. Я теперь всю Россию на Варваре женю. Варька, иди, выбирай любого.

Голоса. Меня!

– Вот меня! Выберите!

– Вот меня!

Фелицата Гордеевна. Мужа моего. Мужа выбирайте.

Тося. Папу моего выбирайте.

Сюся. Папочку.

Ильинкина. Мужа моего.

Надежда Петровна. Варенька, выбирай.

Варвара Сергеевна. Я хочу, чтобы в пенсне и страстный.

Павел Сергеевич. Варвара!

Олимп Валерианович. Как же так, господа? Господа, я сам видел, своими глазами видел. Вот здесь. Вот на этом месте. Наша горячо любимая родина, наша сермяжная матушка-Русь встала как феникс из сундука.

Степан Степанович. Из какого сундука?

Автоном Сигизмундович. Вот так я отбил замок. *(Открывает сундук.)*

Олимп Валерианович. И вот так предстала Россия.

Иван Иванович*(с горшком на голове вылезает из сундука)*. Все слышал. Все знаю. Товарищи, соблюдайте спокойствие и не расходитесь, потому что вас всех повесят. Милиция! Милиция!

Олимп Валерианович. Простите, товарищи, при чем здесь милиция?

Иван Иванович. Сейчас ей будет доложено.

Олимп Валерианович. Что доложено?

Иван Иванович. Что вы у себя в квартире, вот в этой самой зале, свергли советскую власть.

Настя. Ванечка, брось трепаться.

Олимп Валерианович. Вам показалось, товарищ, честное слово. Это неправда. У нас есть свидетели. Вот коммунист.

Иван Иванович. Где коммунист?

Олимп Валерианович. Вот, Павел Сергеевич.

Иван Иванович. Павел Сергеевич? Так знайте же, граж-

дане, что Павел Сергеевич есть Лжедимитрий и Самозванец, а вовсе не коммунист.

Павел Сергеевич. Кто Лжедимитрий? Я Лжедимитрий? Я? Товарищи! Я народный трибун. У меня мозоли. Поглядите, какие у меня на руках мозоли. Но это еще что, а вот какие у меня на ногах мозоли, вы себе даже представить не можете.

Иван Иванович. Докажите.

Павел Сергеевич. И докажу.

Иван Иванович. Чем?

Павел Сергеевич. А вот позовите сюда Чичерина и спросите его, коммунист я, товарищи, или нет.

Автоном Сигизмундович. Вы напрасно рискуете, гражданин, у него мандат.

Иван Иванович. Где мандат?

Автоном Сигизмундович*(вынимает из портфеля).*

Вот.

Иван Иванович*(хватает бумагу).* Теперь вы мне, граждане, все попались.

Павел Сергеевич. Держите его, держите! Куда вы? Куда вы?

Иван Иванович. В милицию, граждане, в милицию!
(Убегает.)

Павел Сергеевич. Спасите! Спасите!

Все. Спасите!

– Спасите!

Павел Сергеевич. Погиб! Погиб! Повесят меня!

Олимп Валерианович. Как – повесят? Разве вас можно вешать, товарищ?

Надежда Петровна. Павлушенька, что с тобой?

Павел Сергеевич. Православные христиане, ведь мандат-то я себе сам написал.

Варвара Сергеевна. Кланяйтесь маме, я умираю.

Олимп Валерианович. Сам? Как – сам? Но вы все-таки коммунист?

Павел Сергеевич. Нет, товарищи. Я вообще...

Олимп Валерианович. Как – вообще?

Павел Сергеевич. Я, товарищи, вообще такой разносторонний человек.

Олимп Валерианович. Кончено. Все погибло. Все люди ненастоящие. Она ненастоящая, он ненастоящий, может быть, и мы ненастоящие?!

Автоном Сигизмундович. Что люди, когда даже мандаты ненастоящие.

Ариадна Павлиновна. Товарищи, меня нельзя арестовать, у меня дети, вот Тося и Сюся, крошки.

Степан Степанович. Все мы, гражданка, крошки.

Павел Сергеевич. Мамаша, скажите им, что я дурак, скажите им, что я глупый, – дураков, мамаша, может, не вешают.

Надежда Петровна. Не поверят они, Павлушенька, не поверят.

Павел Сергеевич. Поверят, маменька, ей-богу, поверят.

Все. Идут!

– Погибли!

– До отказа погибли.

– Что? Что?

Явление восемнадцатое

Те же и Иван Иванович, садится на стул и рыдает.

Олимп Валерианович. Что? Что?

Иван Иванович. Отказываются.

Олимп Валерианович. Что отказываются?

Иван Иванович. Арестовать вас отказываются.

Пауза.

Павел Сергеевич. Мамаша, если нас даже арестовать не хотят, то чем же нам жить, мамаша? Чем же нам жить?

Конец.